

Николай Кокухин

АГНИЦА ХРИСТОВА

ПОВЕСТЬ

Москва
2022

*«...ибо Я сошел с небес не для
того, чтобы творить волю Мою,
но волю пославшего Меня Отца»*

*(Евангелие от Иоанна, глава
6, стих 38)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I Бодби

Стоял чудесный летний день, когда из ворот старинного, с затейливыми архитектурными украшениями, дома города Сигнахи выехала легкая двухместная коляска, запряженная вороной с подпалинами лошадью. На козлах сидел пожилой грузин в национальной шапке сванури и с седыми, лихо закрученными усами, а на мягком сиденье – две молодые черноволосые девушки в легких, с большим вкусом сшитых платьях. Старшей из них (ее звали Тамара) было не больше восемнадцати лет, ее сестра Манана выглядела на несколько лет младше. У сестер было прекрасное настроение, их оживленные веселые лица говорили об этом красноречивее любых слов; прогулка обещала быть весьма интересной, так как путешественницы собирались проехаться по самым живописным местам округи.

Коляска быстро покатила по узкой грунтовой дороге, окаймленной с обеих сторон густолиственными грабами, ясенями и карагачами. Солнце склонялось к западу, озаряя горные вершины, крутые лесистые склоны и роскошные долины щедрым ликующим светом. Высоко в безоблачном небе, распластав крылья, парил одинокий коршун; лошадь изредка пофыркивала, мотая головой; легкий встречный ветер приятно освежал лица; возница тихо напевал старинную грузинскую песню и то и дело взмахивал вожжами, не давая лошади перейти на медленный шаг.

Путешественницы проехали несколько километров и стали подниматься в гору, когда неожиданно услышали звук колокола; он раздался где-то за недалеким холмом; его эхо медленно прокатилось над лесом и упало в долину.

– Что это, Коба? – спросила Тамара у возницы.

– Это монастырский колокол, – ответил Коба, повернувшись к девушкам.

– Разве тут есть монастырь?

– Да, и очень хороший, в селе Бодбе.

– У него есть название?

– А как же. Монастырь без названия не бывает. Святая равноапостольная Нина в нем хозяйка.

– И давно он возник?

– Совсем недавно; приехали московские монахини и стали служить.

– Как интересно! Мне хочется непременно побывать в нем. А тебе? – обратилась она к сестре.

– Как ты, так и я.

– Коба, правь в монастырь, – распорядилась Тамара.

Через четверть часа коляска остановилась на территории монастыря. Из открытых окон небольшого храма доносилось стройное монашеское пение.

– Войдем? – шепотом спросила Тамара.

– Ты зайди, а я лучше погуляю, – отказалась Манана.

– Как хочешь.

Тамара осторожно переступила порог храма; для нее это был другой, совершенно неведомый мир; красивый иконостас с древними иконами; изумительные фрески на стенах; лики святых, глаза которых, кажется, смотрели прямо на паломницу; разноцветные лампы с мигающими огоньками около всех икон; песчаные подсвечники с зажженными свечами; завораживающее пение нескольких монахинь, стоящих на клиросе, – девушка почувствовала, как какой-то священный трепет пробежал по всем ее членам, и ей очень захотелось быть такой же, как эти тихие монахини, облаченные в темные одежды, петь вместе с ними церковные песнопения, читать молитвы, преклонять колени перед иконами угодников Божиих, то есть ни в чем, абсолютно ни в чем не отличаться от них.

Сколько времени пробыла она в храме – об этом юная паломница не могла бы в точности сказать, церковная служба пролетела для нее как одна секунда; девушка очнулась только тогда, когда увидела перед собою среднего роста монахиню с открытым добрым лицом и с глазами, полными любви и душевного участия; это была игумения Ювеналия.

– Как я рада, что ты пришла к нам, – сказала она, обращаясь к девушке. – Ты местная?

– Нет, я тут на отдыхе.

– Ты появилась здесь не случайно, – сказала игумения, внимательно всматриваясь в собеседницу.

– Почему вы так думаете? – возразила юная паломница.

– Это написано у тебя на лице.

Тамаре показалось, что игумения видит ее насквозь.

– Не зря ведь говорят, что человеческое лицо – это открытая книга, и в ней можно прочесть весь жизненный путь, – продолжала игумения. – Кроме того, в каждой хорошей книге есть подтекст, и его, этот подтекст, иногда нетрудно угадать. – Тебе понравилось у нас?

– Да, очень.

– Я так и подумала – ведь всю службу ты стояла, не шелохнувшись, и внимательно слушала то, что читалось и пелось. Ты бы хотела у нас остаться?

Вопрос был неожиданным, и Тамара на секунду смешалась, но быстро овладела собой.

– Да.

Она почувствовала, неизвестно откуда возникшее, внутреннее расположение к своей собеседнице.

– А родители не будут возражать?

– Мои родители, к большому сожалению, скончались: папа – когда я была совсем маленькой, а мама – год назад.

– Царствие им Небесное.

Ювеналия осенила себя крестным знаменем и кратко помолилась про себя об упокоении их душ.

– Твой дом далеко?

– Я живу в Тифлисе – с братьями и сестрой.

– А как сюда попала?

– В Сигнахи проживает моя родная тетя, я со своей сестрой приехала ее навестить.

– Все, что ни делается, все делается к лучшему... Ты можешь приходить в нашу обитель почаще, хоть каждый день, присмотришься, получше нас узнаешь, а потом...

– Я скажу вам честно: моя душа как бы уже живет здесь... поэтому...

– Я поняла тебя, моя дорогая; мне так знакомо то, о чем ты говоришь...

– Вот только одно «но»...

– Что именно?

– Мне ведь придется внести денежный взнос, и немалый, а я – из-за своего несовершеннолетия – не могу пока распорядиться своим наследством.

– Никакого денежного взноса не нужно, – успокоила Тамару игумения. – Лучший взнос в монастырь – это ты сама.

Сердце Тамары возликовало – не потому, что не нужно было думать о деньгах, а потому, что исполнялось ее желание, возникшее как бы стихийно, но на самом деле весьма и весьма промыслительно – ведь от Господа стопы человеку исправляются.

– Тогда я завтра же поеду в Тифлис, завершу свои мирские дела и прилечу к вам, – сказала она радостным голосом.

– Будем ждать тебя, милая птичка, – напутствовала ее игумения и, взяв руки девушки в свои, крепко их пожала.

II

Разговор

Манана ожидала сестру на скамейке, стоявшей под развесистым кленом, в широкой тени.

– Что-то долгонько ты задержалась, – сказала Манана, когда сестра села рядом с ней. – Я уж начала беспокоиться о тебе... Интересно, чем ты там занималась?

– В храме так хорошо, что и передать нельзя! – воскликнула Тамара, все еще находясь под впечатлением церковной службы. – Жаль, что ты со мной не пошла.

– Я и здесь хорошо провела время: погуляла, послушала пение синичек и дроздов, покормила голубей, помечтала... а больше мне ничего и не нужно...

– Хорошо, что ты не скучала... А обо мне ты зря беспокоилась; я попала в то место, где... мне уходить из храма очень не хотелось, так бы и осталась там навсегда.

– Ты не шутишь? – Лицо Мананы посерьезнело, она испытующе посмотрела на свою сестру.

– Нисколько.

– Мне странно слышать от тебя такие слова. Как это так: «Остаться там навсегда»?

– Вот именно навсегда: не на день, не на два, а на-все-гда.

Манану так поразили эти слова, что она встала со скамейки.

– Как тебя понять? Уж не хочешь ли ты стать монахиней?

– Все может быть, моя сестренка.

– Стать монахиней... – Манана всплеснула руками. – Стать монахиней... Это значит – расстаться со свободой, заключить себя в четырех монастырских стенах, перестать наслаждаться жизнью... Правильно я тебя поняла?

– Не знаю.

– Зато я знаю. Это же... – Манана покрутила головой. – Это же... конец... конец всего...

– Я так не думаю.

– Ты будешь потеряна и для меня, и для всех родственников. Я не смогу ходить с тобою на веселые вечеринки, на свадьбы, на юбилеи...

– Это, моя сестренка, не главное.

– Мы не сможем с тобой петь грузинские песни, да ничего не сможем петь... ведь я останусь одна...

– Ну как же одна? С тобою будут двоюродные братья и сестры, они не дадут тебе скучать.

– Нет, нет, я просто в смятении. – Манана закрыла лицо руками. – Скажи мне, что ты просто пошутила, и я тут же успокоюсь.

– Нет, я не шутила, – возразила Тамара. – Меня позвал Сам Господь.

– Все наши родственники будут против твоего решения, это уж точно. Неужели ты и их опечалишь?

– Я никого не хочу опечалить; более того, всем хочу радости и счастья.

– Радости и счастья, – повторила Манана. – А вот у меня теперь нет ни радости, ни счастья.

– Успокойся, моя ненаглядная. – Тамара погладила руку сестренки. – Бог даст тебе и то, и другое.

III

Плен

Манана оказалась права: родственники Тамары даже слышать не хотели о том, что красивая талантливая девушка станет монахиней и навсегда останется в монастыре. Они не учли только одного – ее твердого, независимого характера, – если Тамара решила сделать какой-то важный жизненный шаг и была уверена, что это пойдет ей на пользу, то никакие препятствия и обстоятельства не могли помешать ей выполнить задуманное.

Поэтому, несмотря на настойчивые уговоры родственников, на их мольбы и слезы, на правильный и убедительный, как они считали, довод, что она непременно загубит свою жизнь, несмотря на все это, Тамара, выполнив самые необходимые и неотложные дела, уже через неделю отбыла в монастырь.

Она не догадывалась, что борьба только началась.

Через некоторое время она получила от Мананы письмо такого содержания:

«Милая сестренка! Рада обнять и поцеловать тебя. Не успела ты уехать, как я, твои братишки и другие родственники ужасно соскучились по тебе. Прошло всего несколько дней, а мне кажется – несколько месяцев.

Я пишу тебе, моя дорогая, не просто так, не просто излить мою печаль, которая гложет мое бедное сердце, а по весьма важному делу: ведь ты, как старшая сестра, являешься наследницей наших горячо любимых родителей. Но поскольку ты готовишься стать монахиней, то наследство, насколько я понимаю, тебе не нужно. А раз так, ты должна переписать его на кого-то другого, может быть, на меня. Для этого ты должна приехать в Тифлис, чтобы оформить все необходимые документы у нотариуса.

Выполнить эту скучную, но обязательную процедуру желательно как можно скорее. Поэтому мы с нетерпением ждем тебя.

Крепко, крепко обнимаю тебя, моя милая сестренка, и нежно целую.

Пребывающая в горестной разлуке и желающая побыстрее увидеть тебя твоя сестренка Манана».

Получив это письмо, Тамара не заставила себя долго ждать и уже на другой день прибыла в Тифлис.

Манана повисла у нее на шее.

– Ты просто прелесть! – с сияющими глазами и обворожительной улыбкой произнесла она. – Я так и знала, что ты ради нужного и важного дела примчишься немедленно.

– Да, да, Мананочка. Завтра с утра пораньше пойдем к нотариусу.

– А куда ты торопишься?

– Как куда? В монастырь. Я сказала матушке игумении, что вернусь через день, самое большее, через два.

– Вряд ли получится именно так. Ты же знаешь, как выполняются эти бумажные дела: со всякими препятствиями и проволочками – ведь им спешить некуда.

– Бог даст, все устроится самым наилучшим образом, – сказала Тамара, беря сестру под руку и увлекая ее в рабочий кабинет. – Давай подготовим черновой вариант доверенности.

– Это от нас никуда не убежит, – возразила Манана, повернув в столовую. – Дорога была дальняя, ты проголодалась, подкрепим свои силы, а потом, если ничто не помешает, займемся делами.

Заняться делами не удалось, так как появились чуть ли не все родственники, они окружили Тамару и высыпали на нее целый ушат новостей: одна из троюродных сестер собирается выйти замуж, но никак не может выбрать себе жениха из двух кандидатур; один из них очень добрый, но подвержен влиянию зеленого змия, другой богатый, но совершенно безвольный; Манана заказала портнихе новое модное платье, но та поставила такие неудачные оборочки, что твоя сестренка тут же отказалась от обновки и собирается заказать платье другой портнихе, а какой, она пока не решила; ее родной брат, мальчик лет четырнадцати, совсем забросил учебу в школе, перестал готовиться к урокам и целыми днями только тем и занимается, что гоняет голубей; увещевания родных не помогают, и как тут быть, какие меры принять, неизвестно.

От этих новостей и от прочей пустопорожней болтовни у Тамары заболела голова, она извинилась и ушла в свою комнату.

Утром Манана объявила, что нужно срочно навестить престарелого дядюшку, который чувствует себя неважно, жалуется на то, что его все оставили и не уделяют никакого внимания, а он может в любой день и час умереть, ему нужно срочно принести лекарство, а главное, утешить и обласкать его.

Дядюшка многое преувеличил, предложил гостям домашнего вина, сам выпил полный бокал, развеселился и никак не хотел отпускать своих дорогих родственников. А когда они покинули его, то оказалось, что нужно в обязательном порядке навестить двоюродную тетушку, у которой сегодня день рождения и уже готов праздничный стол.

Тамара поняла, что попала в плен, вырваться из которого не так-то просто.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Вахтанг

Но все это были сущие пустяки. Главное затруднение заключалось в другом: у Тамары был жених. Его звали Вахтанг Тобидзе. Он был из богатой аристократической семьи, которая славилась на всю Грузию тем, что из нее выходили знаменитые поэты, архитекторы, композиторы. Вахтанг собирался стать адвокатом. Его манеры были выше всяких похвал. Каждый, кто общался с ним, будь то мужчина или женщина, попадал под его неотразимое обаяние. Он был одним из самых выгодных женихов Грузии; много, очень много неотразимых красавиц мечтали соединить с ним свою судьбу.

Однако сердце Вахтанга принадлежало лишь одной избраннице, и этой избранницей была скромная девушка Тамара. Он предложил ей руку и сердце и не сомневался, что скоро пойдет с нею под венец. Каково же было его изумление и даже отчаяние, когда он узнал об ее отказе; он не мог этому поверить. Как? отказать ему, первому жениху Грузии? Тут какая-то ошибка.

Он не мог дождаться дня и часа, чтобы устранить возникшее недоразумение.

– Тамара, милая Тамара, неужели ты отказываешься от моего предложения? – спросил он с замиранием сердца при первой же встрече.

– Да, Вахтанг, это правда, – просто и не лукавя, ответила Тамара.

– Для меня твои слова, как гром среди ясного неба, как... я даже не знаю, что еще сказать...

Разговор происходил в загородном поместье, где Тамара проводила самые жаркие летние месяцы.

– И все же это так, я тебя не обманываю, – сказала она, понимая, как тяжело его собеседнику воспринимать эти слова и стараясь смягчить их горечь своей мягкой речью.

– Тамара, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, – продолжал Вахтанг, беря девушку за руки. – Я не переживу разлуки. Мое сердце разорвется на части, если ты не скажешь мне «да»...

– Мой дорогой Вахтанг, ты говоришь такие вещи, что...

– Скажи «да», скажи, я жду...

– Этого слова я сказать не могу. – Девушка высвободила свои руки из рук Вахтанга.

– Но почему? Почему? Я никак не могу этого понять...

– Все очень просто: у меня есть Другой Жених.

– Как? Неужели? – Вахтанг отступил от девушки на один шаг, потом еще на один.

– Да.

– Ты не шутишь?

– Нисколько.

– Но почему ты мне раньше об этом не сказала? Ведь мы с тобой знакомы уже почти год.

– Раньше я не могла тебе этого сказать.

– То есть ты со мной играла?

– Нет, этого не было.

– Скажи мне, кто твой избранник? Я его знаю?

– Это самый Лучший Жених на свете.

Тамара сорвала несколько цветков и, соединив в маленький букетик и отстранив от себя на расстояние вытянутой руки, долго любовалась ими.

– Лучше Его не найти, даже если долго искать, – добавила она.

– Я знаю всех самых знатных и самых богатых женихов в Грузии. Скажи мне, на кого из них пал твой выбор?

– Все самые знатные и богатые женихи Грузии ничто по сравнению с Тем Женихом, о Котором я говорю.

– Значит, он живет вне Грузии.

– Он живет везде.

– Солнышко, ты меня сводишь с ума. Я ничего не понимаю. Объясни мне, что все это значит?

Тамара взяла Вахтанга за руку, прошла с ним по саду некоторое расстояние и остановилась под виноградным навесом.

– Все очень просто: я хочу стать монахиней и жить в монастыре, – сказала она, глядя в глаза своему собеседнику.

Тамара руку не отнимала, но Вахтанг сам высвободил свою руку.

– Ты... – он с трудом подбирал слова, – ты... как же так? – У него сразу потускнело лицо. – Это... серьезно?

– Да, очень серьезно.

– Сегодняшний день для меня – день траура. Я слышу от тебя такие новости, каких никак не ожидал. – Он опустил свою красивую голову, закусил нижнюю губу.

– Рано или поздно я должна была сказать тебе это.

– Тамара, – Вахтанг поднял голову, напрягся всем телом, – как же я буду без тебя? Я и в мыслях не допускал, что мы расстанемся... ты для меня... ты для меня дороже золота... дороже... да нет, какие глупости я говорю... ты для меня все... весь мир, вся вселенная... для меня как бы наступила ночь... нет, этого не может быть!..

II

Под виноградным навесом

Волнение Вахтанга передалось и Тамаре, ей хотелось утешить друга, сказать ему такие слова, которые успокоили бы его, но где их взять и как их сказать...

– Ничего, мой дорогой, ничего... – произнесла она, с трудом сдерживая волнение, – все уляжется...

– Нет, не уляжется. – Вахтанг мотнул головой. – Тамара, милая, – быстро и горячо заговорил он, – перемени свое решение, и ты не прогадаешь. Ты знаешь, что я богат, и все мое богатство я кладу к твоим ногам. Ты будешь жить припеваючи, ни в чем не будешь нуждаться, я буду носить тебя на руках. Вот так...

Он нагнулся, поднял своими большими сильными руками хрупкую и тонкую девушку и закружился с нею, так что у нее развевались от ветра волосы; он кружился долго, потому что ему нравилось кружиться, а когда немного запыхался, опустил ее на землю.

– Ты будешь самой счастливой во всей Грузии, тебе будут завидовать все девушки и все женщины; да нет, что я говорю, тебе будет завидовать само солнце, потому что его лучи побледнеют перед сиянием твоих лучезарных глаз и перед сиянием твоей обворожительной улыбки. Тамара, будь моей! Умоляю тебя!..

Я буду твоим рабом, один жест, одно движение твоих бровей – и я бегу исполнять любое твое желание; для тебя не будет ничего невозможного, потому что я буду служить тебе так, как никто из земных сынов. Мы будем с тобой счастливы, мы будем жить с тобою, как в Раю. Умоляю тебя еще и еще раз, будь моей!

Вахтанг кинулся на колени перед своею возлюбленной и протянул к ней свои руки.

– Встань, мой дорогой, – кротко сказала Тамара, беря Вахтанга за руки и помогая ему подняться. – Я знаю, какая у тебя чуткая и добрая душа. Если бы я шла светским путем и если бы я стала твоей женой, то, конечно, мы были бы счастливы. Но я не властна над собой, не властна над своей волей – меня призвал мой Небесный Жених, и я иду к Нему. Я должна выполнить Его волю. Никто и ничто не сможет изменить мой путь. Я невеста Христова, я обручена Ему, и моя душа преисполнена необыкновенной радости.

А теперь, мой славный Вахтанг, вернемся в дом, там нас ждут гости.

Вахтанг, сумрачный и печальный, долго стоял на месте, не в силах сделать и один шаг, но потом пересилил себя и медленно, волоча ноги, следом за Тамарой зашагал по садовой тропинке.

III

Развязка

Через несколько дней он еще раз попытался уговорить, нет, не уговорить, умолить девушку переменить свое решение, но ничего не достиг. Он не успокоился и предпринял еще одну отчаянную попытку, но и она закончилась неудачей.

Он перестал появляться на свадьбах, юбилеях, именинах, перестал навещать своих друзей и знакомых, более того, стал избегать их. Если раньше он не пропускал ни одной театральной премьеры, то теперь его забронированная на все спектакли ложа пустовала. Вахтанг был заядлым охотником, и не проходило недели, чтобы он со своими друзьями, такими же заядлыми охотниками, как и он, не выезжал на горячих скакунах в горы, где можно было выследить медведя или затравить одного или двух волков. Ныне же его ружье оставалось в бездействии, так же как и резвые скакуны.

Родители Вахтанга, обеспокоенные поведением сына, предпринимали всевозможные средства, чтобы изменить ситуацию. Они не раз беседовали с ним, говоря, что вся его жизнь впереди и ничего смертельного не произошло, что время лучшее лекарство и через месяц-другой, в крайнем случае, через год душевные раны заживут, и все будет прекрасно. Чтобы отвлечь его от печальных мыслей, они, зная его пристрастие к кавказским иноходцам, купили ему двух красавцев, но он остался к ним равнодушен. Никакого впечатления не произвело на него и новенькое ружье, о котором он когда-то мечтал.

Наконец, родители познакомили его с прелестной Элисо, надеясь, что она пробудит его к жизни, однако их надежды не оправдались: Вахтанг не уделил ей ни одной минуты.

Ранее веселый и жизнерадостный, он помрачнел, осунулся, стал нелюдим; юноша облюбовал невзрачный духан на окраине Тифлиса и проводил в нем целые дни; заняв столик в самом дальнем углу и поставив перед собой графин с вином, он осушал один стакан за другим, совершенно не обращая внимания на то, что вино было отнюдь не лучшего качества.

Вскоре Вахтанг уехал в Сванетию, в глухое горное село, к знакомому пастуху, пробыл у него полтора месяца, бродя по чащобам и дубравам, иногда уходил так далеко, что ночь заставляла его в каком-нибудь мрачном ущелье, где он и дожидался рассвета; затем вернулся в Тифлис, но, пробыв здесь всего несколько дней, снова исчез.

Следы его затерялись.

Через полтора года прошел слух, что далеко в горах, среди диких скал, пастухи обнаружили скелет какого-то мужчины. Кто-то предположил, что это были останки пропавшего Вахтанга, но так ли это, осталось неизвестным...

IV Карета

А события между тем развивались своим стремительным чередом.

Все дни Тамары были расписаны не только по часам, но и по минутам. Дел было очень много: в местном драматическом театре шел на шумевший спектакль, и Манана заказала ложу на завтрашний день; у ее ближайшей подруги Сулико намечалась вечеринка по случаю ее совершеннолетия, которую нельзя пропустить, – Сулико наверняка обидится, и хорошие отношения прервутся если не на всю жизнь, то на несколько лет; вчера в Тифлис прибыл на гастроли модный эстрадный певец, и на первый его концерт, конечно, были заказаны самые лучшие места; на воскресенье был намечен загородный пикник, в котором примут участие интересные молодые люди, и на местном базаре куплен упитанный барашек.

Прошла неделя, другая, а просвета никакого не было. Тамара написала письмо игумении Ювеналии, в котором изложила свое бедственное положение, но ответа не получила.

Матушка Ювеналия недоумевала, почему ее новая послушница не подает о себе никаких известий. Она написала ей письмо, но ответа не было и не было.

Ни Тамара, ни игумения не догадывались, что их письма перехватывались.

Ювеналия приняла необходимые меры. В Тифлисе жила христианка София, дочь которой подвизалась в Бодбийском монастыре. Игумения попросила ее разыскать Тамару и выяснить, в чем причина такой длительной задержки. Та довольно быстро исполнила просьбу, доложив Ювеналии об осадном положении ее послушницы. Был составлен план ее скорейшего освобождения.

В одно прекрасное утро, когда в доме все спали, к подъезду подкатила карета, запряженная парой каурых рысаков. Тамара, с легким саквояжем в руках, выбежала на улицу, София распахнула дверцу, пленница вспорхнула в нее, и карета вихрем помчалась по направлению к Бодбийскому монастырю.

Птичка, заключенная в клетку, обрела свободу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Послушница

Игуменья Ювеналия была монахиней высокой духовной жизни. Она не сомневалась, что юную послушницу прислал ей Сам Господь и что она должна хранить ее, как зеницу ока, ведя ее по спасительному пути. Ювеналия поселила Тамару в своей келии, чтобы воспитывать ее не столько словами, сколько примером собственной жизни. Они вместе читали утреннее и вечернее правило, каноны и акафисты, вместе приходили в храм и вместе уходили из него, вместе вставали на колени в полночь, чтобы вознести хвалу Господу Богу.

Узнав, что у юной послушницы прекрасный голос и замечательные музыкальные способности, игуменья благословила ее на клиросное послушание. Немногочисленный сестринский хор благодаря новой певчей обрел более гармоничное звучание. Через год с небольшим Тамара уже самостоятельно управляла хором.

С таким же старанием и любовью Тамара вникала и в другие послушания, которые поручала ей мать игуменья. Возглавив монастырскую канцелярию, она умело вела деловую переписку как со светскими, так и с епархиальными учреждениями. Чтобы освоить должность эконома и вникнуть в тонкости этого непростого дела, молодой послушнице пришлось проштудировать немало книг.

Но главное, чему научилась Тамара и что полюбила больше всего, была молитва. Мать игуменья очень искусно возгревала эту любовь. Как скульптор скрупулезно готовит свое произведение, отсекая все лишнее из первоначального сырого материала, так и Ювеналия медленно, но верно выпестовывала свою будущую преемницу.

В келии было много цветов, которые игуменья регулярно поливала. Как-то Тамара обратилась к своей наставнице с такими словами:

– Матушка, вы не будете возражать, если, начиная с сегодняшнего часа, цветами буду заниматься я. У вас и так много обязанностей, и я хочу вас разгрузить. Кроме того, я буду протирать пол, вывешивать на просушку и проветривание вашу мантию, а также наши пальто и плащи, протирать книжные полки от пыли и выполнять прочие бытовые обязанности – всему этому меня научила моя мама. Я молодая, и для меня это незатруднительно.

Ювеналия, разумеется, не возражала, весьма довольная поступком своей воспитанницы.

– У нашей герани так много листьев, – продолжала Тамара, – что кажется – это настоящее дерево. Листья ведь тоже нужно протирать от пыли?

– Желательно, – подтвердила игумения.

– Тогда я буду этим заниматься.

– Но это займет довольно много времени.

– И чудесно, – заявила Тамара, – попутно я буду учить наизусть шестопсалмие...

II Благодетель

Незаметно минули три года. Тамаре казалось, что прошло не три года, а всего три дня, так быстро бежало время. В монастыре ее душа расцвела, как расцветает весной алая роза. Ее все радовало: и длительные богослужения, и запах ладана, когда священник кадит храм, и обязательное говение перед причастием, и поклоны перед иконами угодников Божиих, и Иисусова молитва по четкам; а особенно ей нравилось делать добрые дела как для сестер обители, так и для прихожан, которые, зная ее отзывчивое сердце, частенько обращались к ней со своими нуждами.

Для монастыря в это время наступила трудная пора: в казне ни копейки, продукты на исходе: последнее ведро картофеля растянули чуть ли не на месяц, и, наконец, повар Клавдия показала всем сестрам последнюю картофелину.

– Что с нею делать? – обратилась она к ним.

– Растянуть еще на месяц, – грустно пошутили те.

Фасоли осталось на две трапезы, постное масло на дне бутылки; мука кончилась неделю назад, последнюю лепешку делили на всех по маленькому кусочку. Торговцы съестными припасами в долг не давали, боялись, что монастырь так никогда и не расплатится.

Мать игумения скорбела больше всех, ведь она радела не только о духовном состоянии пасомых, но и о их здоровье.

Однажды, печальная и грустная, она обратилась к своей любимой послушнице:

– Пойдем в храм, помолимся Царице Небесной.

Ослабевшими ногами, поддерживая друг друга, они зашли в храм, упали на колени перед иконой Божией Матери «Утоли моя печали» и зарыдали, не

в силах произнести ни единого слова. Слезы, как капли дождя, падали на пол. В храм одна за другой вошли другие сестры и тоже встали на колени; плач усилился.

- Пресвятая Дева, помилуй нас, грешных!
- Услыши нашу молитву!
- Призри на нас, бедных и немощных!
- Пощади, Царица Небесная, Своих деток! – раздавалось с разных сторон.

В этот момент в храм вбежала монахиня Фекла, которая по поручению игумении ездила в почтовое отделение города Сигнахи.

- Не плачьте, мы спасены! – крикнула она звонким голосом.
- Рыдания в одну секунду смолкли, в храме наступила полная тишина.
- Как? Что ты сказала?
- Пришел денежный перевод, да и немалый – целых двести рублей!
- От кого?
- От благодетеля.
- Как его зовут?
- Отец Иоанн Кронштадтский.
- Как он о нас узнал?
- Он все знает, на то он и Иоанн Кронштадтский.

Фекла достала из сумочки пачку ассигнаций и передала Ювеналии.

- Он и телеграмму прислал.
- Читай вслух, – распорядилась Ювеналия.

«Дорогие сестры! – радостным голосом читала Фекла. – Господь печется и о малой птахе, как же Он не будет заботиться о вас, земных ангелах? Царица Небесная все ваши слезы принесла Своему возлюбленному Сыну в ладошках, они все сочтены. Не печальтесь и не унывайте. Милость Господня не оставит вас и в дальнейшем».

– Слава Тебе, Господи, слава Тебе! – произнесла игумения, вытирая остатки слез на щеках.

Она взяла телеграмму и пробежала глазами написанное.

– В обители преподобного Сергия Радонежского однажды была такая же ситуация, как и у нас, – сказала Ювеналия. – Она разрешилась чудесным образом: Ангел Господень привез полную повозку пышных, необычайно вкусных хлебов. А для нас Ангелом выступил отец Иоанн Кронштадтский, благодарить которого мы никогда не устанем.

III Три креста

Вскоре по срочным и неотложным делам игумении Ювеналии пришлось выехать в Санкт-Петербург. Она взяла с собой и Тамару (вообще они, можно сказать, никогда не разлучались).

В северной столице путешественницы остановились в Новодевичьем Воскресенском монастыре. Первые несколько дней заняли самые важные и безотлагательные визиты, после которых наступила небольшая передышка. За утренним чаем Ювеналия и Тамара обсуждали свое дальнейшее пребывание в Санкт-Петербурге.

– Мне хочется обязательно повидать нашего дорогого благодетеля – отца Иоанна Кронштадтского, – сказала Ювеналия, разливая чай по чашкам. – Я должна лично поблагодарить его за ту неоценимую помощь, которую он нам оказал.

– Мы можем завтра же отправиться в Кронштадт, – откликнулась Тамара, намазывая ломтики хлеба персиковым джемом. – Это не так уж и далеко.

– Расстояние меня не смущает; к отцу Иоанну я готова ехать хоть на край света.

– Главное, чтобы он был на месте; батюшка легок на ногу: сегодня здесь, а завтра там.

– Святые угодники непременно помогут нам.

Не успела она произнести эти слова, как в келию вошла дежурная монахиня.

– К нам приехал отец Иоанн Кронштадтский, – радостно сообщила она. – Хотите получить его благословение?

– Конечно! – в один голос воскликнули гости. – Мы только что о нем говорили.

– Тогда следуйте за мной.

У юной послушницы от волнения сильно забилося сердце.

«Как, неужели я своими глазами увижу батюшку Иоанна? – думала она, шагая по монастырскому коридору и едва поспевая за провожатой. И в детстве, и в юности Тамара много раз слышала от своих родственников об отце Иоанне, о чудесах и исцелениях, которые он совершал, о его подвижнической жизни и пламенной молитве. –

Бывают же чудеса на свете. Даже не верится, что батюшка здесь, совсем рядом».

Через минуту они вошли в гостиную. Отец Иоанн сидел на диване и о чем-то оживленно беседовал с насельницами обители.

Увидев вошедших, он встал и сделал несколько шагов им навстречу.

– Давно, давно поджидал вас, – сказал пастырь, благословляя матушку Ювеналию; он был в самом лучшем расположении духа. – Я не забываю про вас.

– Мы это чувствуем каждую минуту, – сказала Ювеналия, счастливыми сияющими глазами смотря на отца Иоанна. – Мы живы благодаря вашим молитвам, дорогой батюшка. Мы так благодарны, так благодарны вам, что невозможно и высказать.

– И не надо высказывать, не надо, – улыбаясь, сказал отец Иоанн. – Мы и без слов друг друга понимаем... А кто это рядом с вами?

– Это моя келейница и послушница Тамара.

– Ну подходи, подходи ко мне, келейница и послушница.

Тамара с замиранием сердца сделала несколько мелких шагов. Отец Иоанн внимательным долгим взглядом посмотрел на нее, перекрестил, поцеловал в голову и сказал:

– Тамара, Тамара, благую часть избрала.

Юной послушнице даже не верилось, что с ней разговаривает знаменитый пастырь и что он так ласково обходится с ней.

Отец Иоанн на секунду задумался, приложив указательный палец к губам, а затем, обратившись к Ювеналии, сказал:

– А ну-ка дайте мне свои кресты.

Просьба была неожиданной, но игуменья, давно воспитавшая в себе безропотное послушание, сняла с себя один за другим три креста и передала их пастырю.

То, что он сделал дальше, вызвало у присутствующих вздох изумления. Отец Иоанн надел первый крест на шею Тамары и, повернув ее лицом к монахиням, весело произнес:

– Ну чем не игуменья?

После этого он надел на юную послушницу второй крест, взял ее за плечи и, поворачивая то в одну сторону, то в другую, так, чтобы все присутствующие видели ее, радостно говорил:

– Ну посмотрите же на новую игуменью. Все внимательно посмотрите. На всем белом свете не найти такую игуменью!

Все, кто наблюдал эту сцену, восприняли ее как нечто само собой разумеющееся, чему и удивляться даже не стоит, – ведь рядом с ними был не кто-нибудь, а отец Иоанн Кронштадтский.

Затем батюшка надел на Тамару, которая от волнения, кажется, дышать перестала, третий крест. Он снова повернул ее во все стороны, причем получалось это у него очень ловко, и возгласил:

– Ай, какая хорошая игуменья! Ай, какая прекрасная игуменья! Прошу всех хорошенько ее рассмотреть. И полюбить от всей души.

В то время, как батюшка говорил это, юная послушница пребывала как во сне; иногда ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим.

Отец Иоанн еще раз поцеловал Тамару в голову.

– Ты в моем сердце, – сказал он, приложив правую руку к груди. – Ничего не бойся.

После этого батюшка пробыл в гостиной считанные минуты; он никого не оставил без внимания, всех приласкал, всех благословил; все чувствовали себя самыми дорогими и любимыми его детьми.

– Простите меня, – обратился он ко всем присутствующим, – не могу задерживаться более ни одной минуты. Срочные дела! Милость Божия да будет с вами!

И быстрым шагом покинул гостиную. Однако атмосфера любви, посеянная им, никуда не делась, и все присутствующие ощущали ее так, как будто батюшка и не уезжал.

За обеденным столом главной темой разговора был отец Иоанн. Монахини вспоминали его ласковые слова, обращенные то к одной, то к другой, его взгляд, полный любви и сочувствия, его советы, поданные иногда прямо, а иногда в завуалированной форме, его шутки, в которых угадывались серьезные духовные наставления.

Не была обойдена вниманием и Тамара, которая до сих пор не могла поверить, что с нею беседовал сам отец Иоанн.

– Мне кажется, батюшка пошутил с Тамарой, он как бы играл с ней, – сказала инокиня Фомаида, прислуживавшая за столом; она разносила тарелочки с ломтиками суфле.

– А по-моему, отец Иоанн не шутил, – возразила местная игумения Валентина. – Не зря, совсем не зря надел на тебя отец Иоанн три креста, – продолжала она, обращаясь к Тамаре. – Быть тебе игуменией. В течение твоей монашеской жизни ты понесешь три креста. Батюшка ничего просто так не делает.

За столом воцарилось молчание; оно говорило о том, что слова, сказанные игуменией, имеют под собой серьезное духовное основание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Неожиданные перемены

В один из пасмурных слякотных декабрьских дней в обитель пришла телеграмма из Санкт-Петербурга; в ней говорилось о том, что Ювеналия назначена настоятельницей московского Рождественского монастыря. Это известие, как гром, поразило всех насельниц обители; они и в мыслях не представляли, что Ювеналия, их давнишняя духовная мать и наставница, покинет их и что они не увидят больше ее лица и не услышат ее голоса.

Что касается самой Ювеналии, то ей давно хотелось вернуться на родину, в знакомую Москву, где прошли ее детство и юность, где она училась и где делала первые шаги на духовном поприще.

Ее келейница и послушница восприняла новость с большим беспокойством: игумения уезжает, а она как? Неужели они расстанутся? Неужели их пути разойдутся, и они никогда больше не будут жить в одной келии?

После вечернего правила молодая Ювеналия (такое имя дал ей при пострижении в иноческий чин Преосвященный Флавиан, экзарх Грузии) решила выяснить этот вопрос.

– Матушка, простите меня, но я не нахожу себе места, – сказала она, нервно потирая руки.

– Что тебя беспокоит, дочь моя?

– Вы уезжаете, а я как?

– И ты поедешь.

– Как, вы берете меня с собой?

– Конечно, разве могу я тебя оставить?

– Правда? Вы не шутите?

– Нисколько. Мы с тобой настолько сроднились, что у нас, можно сказать, одна душа. Как нельзя разделить на две части солнце или луну, так нельзя разлучить и меня с тобой.

– Матушка, как я рада! Как я рада! Вы и представить себе не можете!

– Я рада не меньше тебя, ведь ты могла и остаться: Грузия – твоя родина, она взрастила тебя, ты, образно говоря, ее неотъемлемая частичка, и тебе здесь было бы очень хорошо.

– Все это так, но нас с вами соединяют духовные узы, прочнее которых нет ничего на всем белом свете. Расстаться с вами выше моих сил. Когда я ухожу на послушание и не вижу вас всего один час – это для меня большое испытание. Дышать одним и тем же воздухом с вами... произносить по очереди молитвы... предупреждать любое ваше желание – вот что мне больше всего нравится и составляет суть моей монашеской жизни.

Игуменья ласково посмотрела на собеседницу:

– «Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его».

Этим стихом из Евангелия она как бы подвела черту под их разговором.

Обрадованная молодая Ювеналия, предвкушая скорый отъезд, стала собираться в дорогу, укладывая в саквояж самые необходимые вещи.

Между тем сестры обители, обсуждая перемены, так неожиданно выпавшие на их долю, пришли к выводу, что было бы идеально, если бы новой игуменией стала молодая Ювеналия. В воскресный день, когда закончилась Божественная Литургия, они дружно, все до единой, поклонились молодой Ювеналии, а затем встали на колени. Старшая из них, Феокиста, обратилась к ней с такими словами:

– Возлюбленная сестра, мы все просим тебя Христа ради не уезжать и стать нашей игуменией.

Молодая Ювеналия смутилась; она никак не ожидала, что сестры обратятся к ней с такой просьбой.

С трудом сдерживая волнение, она произнесла:

– Милые мои сестры, я вас очень люблю, но, к большому сожалению, должна вам отказать.

– Мы к тебе привыкли, – продолжала Феоктиста, – как привыкают к человеку в большой дружной семье. Если ты уедешь, образуется брешь, которую нечем заполнить.

– Вы не останетесь сиротами, – отвечала молодая Ювеналия. – Из Санкт-Петербурга или из Москвы вам пришлют опытную игумению, которую вы полюбите больше, чем меня.

– Если ты уедешь, нам это искушение не пережить. Мы просим тебя еще и еще раз: останься с нами и будь нашей духовной наставницей.

– Я бы осталась с вами, милые мои сестры... – Слова давались молодой Ювеналии с большим трудом, так как волнение ее усилилось. – Но я недостойна... по своей молодости и недостатку духовного опыта... быть игуменией. На этом месте должна быть такая опытная мать, как наша любимая Ювеналия, а я... я ей и в подметки не гожусь.

– Это не совсем так, – не сдавалась Феоктиста, – ты много лет пробыла рядом со своей наставницей, и твой духовный опыт позволяет руководить нами, грешными и недостойными.

– Прошу вас, сестры, встаньте с колен,- попросила молодая Ювеналия, так мне удобнее будет с вами разговаривать.

– Нет, не встанем до тех пор, пока ты не согласишься.

Сестры почти разом заплакали, всхлипывая и утирая слезы тыльной стороной руки или платочком.

Неизвестно, чем бы закончилась эта трудная для всех сцена, если бы не вмешалась старшая Ювеналия.

– Детки мои милые, не будем мучить юную сестру. Дайте ей небольшую передышку, чтобы она могла собраться с мыслями, спокойно все взвесить и дать вам окончательный ответ.

Этот совет пришелся всем по душе, и сестры встали с колен.

II

Явление преподобного Серафима

Прошло несколько дней, в течение которых атмосфера в монастыре, кажется, еще более накалилась, потому что ответа молодая Ювеналия пока не дала. Сестры хотели еще раз встретиться с нею и умолить ее стать игуменией. Однако надобность в этом отпала.

Затруднительная ситуация разрешилась самым неожиданным образом – большим утешением для одной стороны и большим огорчением для другой. В адрес монастыря пришла телеграмма из Санкт-Петербурга, подписанная обер-прокурором Священного Синода Константином Победоносцевым. В ней стояло: «Игуменией Бодбийского монастыря назначается молодая монахиня Ювеналия».

Прочитав телеграмму, она разрыдалась. Рушились все ее планы: она разлучалась, может быть, навсегда со своей духовной матерью, ей

предстояли труды и заботы, которые ее слабые плечи, возможно, не выдержат; со своими страстями она еще не научилась как следует совладать, а ей уже нужно наставлять других.

Слезы не высыхали на ее глазах, она никак не могла примириться с мыслью, что все круто изменилось и обратного хода нет. Она осунулась и похудела так, как будто выдержала строгий сорокадневный пост.

Как-то, после полудня, страдалица, почувствовав упадок сил, села в кресло и задремала. В тонком сне ей явился преподобный Серафим; он был в простом светлом балахоне, подпоясанном кушаком, и с крестом на груди; на голове у него была темная скуфейка. Внимательно посмотрев Ювеналии в глаза, он сказал: «Главное для христианина – исполнить волю Божию». Потом осенил ее широким крестным знаменем и исчез.

Проснувшись, Ювеналия обнаружила в своих руках икону преподобного Серафима; он был изображен на ней таким, каким она его видела в тонком сне.

Молодая игумения встала с кресла совсем другим человеком: она была свежей и бодрой, уныние и печаль исчезли, переживаний и волнений как не бывало. На ее лице сияла лучезарная улыбка. Она поспешила к своей наставнице. Та, едва взглянув на нее, сразу все поняла; за многие годы, проведенные вместе, старшая Ювеналия так изучила свою воспитанницу, что читала ее душу так, как будто это была открытая книга.

Она нежно обняла ее, погладила по голове, поцеловала и произнесла тихим голосом:

– Как я рада за тебя, моя доченька. Все будет хорошо.

Потом отстранила от себя и добавила:

– Ты будешь управлять обителью гораздо лучше, чем я.

III

Уляша

Наступило лето; по небу плыли легкие серебристые облака, иногда они останавливались на месте, словно для того, чтобы порадовать людей тенью; зацвели магнолия и олеандр; дубы, грабы и ясени оделись такой густой листвой, что солнечные лучи сквозь них не проникали; соловьи издавали залихватские трели не только в дневные часы, но и вечерней порой; воздух был напоен запахом цветущих лип.

Однажды, когда солнце достигло зенита и наступила нестерпимая жара, в игуменскую келию вбежала послушница Анастасия и крикнула:

- Матушка, несчастье!
- Что такое? Что такое? – Встревоженная Ювеналия поднялась из-за стола, за которым писала деловое письмо.
- Уляша... при смерти...
- Как при смерти? Не может этого быть!
- На нее упали дрова.
- Какие дрова?
- Поленница дров... вся как есть...
- Как это произошло?
- Она взяла несколько поленьев, потянулась еще за одним и... вся поленница рухнула на нее...

– Господи, помилуй! – воскликнула Ювеналия, закрыв лицо руками.

Она поспешила за Анастасией в сарай. Картина, которую она увидела, была ужасной. Уляша (так сестры звали послушницу Ульяну) лежала на земле без движения и, кажется, без признаков жизни. Сестры убрали последние поленья, которые свалились на нее. Пострадавшую перенесли в келию. Вызвали врача из Сигнахи. Осмотрев Уляшу, он сказал:

– Случай очень тяжелый; пострадали все внутренние органы; шансы на выздоровление? один процент из ста, не больше... – Врач покачал головой. – Ей, наверно, уже не встать... Лечение: питье и компрессы... больше ничего порекомендовать не могу.

С этими словами он уехал.

Потянулись безрадостные дни. Больная стонала, часто теряла сознание, не шевелилась, так как любое, даже малейшее движение, причиняло ей страшную боль; в довершение всего у нее парализовало левую часть тела.

Сестры дежурили около Уляши, пытаясь облегчить ее страдания, но она никого не узнавала и не могла выговорить ни одного слова.

Ювеналия пришла в келию, чтобы проститься со страдальницей. Встав около кровати на колени и помолившись, она положила на ее грудь икону преподобного Серафима, ту самую, которая оказалась в ее руках во время тонкого сна. И тихонько, на цыпочках, вышла из келии, осторожно затворив за собою дверь.

Минуло не больше четверти часа.

Ювеналия открыла Псалтирь и, усевшись на лавочку в тенистой беседке, углубилась в чтение. Внезапно послышался голос послушницы Анастасии:

- Матушка! Матушка!
- Я здесь, – отозвалась игумения. – Что случилось?
- Уляша встала на ноги! – крикнула послушница.
- Как? Повтори!
- Уляша выздоровела! Совсем!
- Ты ничего не перепутала?
- Нет. Она ходит, разговаривает, всех целует.
- Слава Тебе, Господи!
- Да вот она, легка на помине.

По монастырскому двору шагала Уляша, здоровая, веселая, улыбающаяся. В руках она держала икону преподобного Серафима.

– Вот кто меня исцелил! – В ее голосе звучало неподдельное ликование.
– Матушка Ювеналия, – воскликнула она, увидев шедшую ей навстречу игумению, – меня исцелил преподобный Серафим!

– Верю, моя дорогая, верю! Для преподобного Серафима нет ничего невозможного!

Уляшу окружили сестры, пораженные совершившимся чудом.

– Даже не верится, что такое может быть!

– Уляша, ты вернулась с того света!

– С днем второго рождения!

– Даже помолодела на десять лет!

– Какая ты молодчина! –

слышалось со всех сторон.

Уляша сияла, лобызая икону преподобного.

– Целуйте и вы, – обратилась она к сестрам.

Те не заставили себя долго ждать.

Снова прибыл тот же врач. Увидев Уляшу, здоровую и цветущую, он не поверил своим глазам.

– Невероятно! Непостижимо! – то и дело повторял он. – Такого в моей практике еще не бывало! Если расскажу коллегам, никто не поверит!

И все время качал головой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Батюшкина шляпа

Недавняя встреча с отцом Иоанном Кронштадтским произвела на молодую Ювеналию такое сильное и неизгладимое впечатление, что ей захотелось увидеть его еще раз. Увидеть его умные пронизательные глаза, его ласковую улыбку, а самое главное, услышать из его уст глубокие духовные наставления. Жизненные обстоятельства сложились в ее пользу, и вскоре ей пришлось выехать в Санкт-Петербург по монастырским делам, которые не терпели ни малейшего промедления.

Завершив срочные дела в столице, Ювеналия отправилась в Кронштадт и остановилась в Доме Трудолюбия. Здесь и произошла встреча с отцом Иоанном.

Батюшка обрадовался, увидев ее, и стал расспрашивать о монастырских делах, входил во все мелочи, просил рассказать, как проходят богослужения, не допускает ли молодая игуменья каких-либо сокращений, довольна ли сестринским хором, кто более всего досаждаёт ей и как она выходит из самых затруднительных положений, дал ряд ценных духовных советов, а потом сказал:

– Напиши мне, пожалуйста, адрес твоего монастыря.

Ювеналия быстро исполнила поручение. Прочитав записку, отец Иоанн заметил:

– У тебя хороший почерк, только я не разберу, что у тебя стоит – «г» или «ч»? Сигнах? Ну-ка, перепиши вновь.

Ювеналия исполнила просьбу; отец Иоанн весело сказал:

– Ну, теперь все ясно.

Он посмотрел на часы и поднялся со стула:

– А теперь мне нужно обойти несколько номеров. Там есть люди, которым нужна срочная помощь. Держи мою шляпу и следуй за мной, – обратился он к собеседнице.

Он помчался по коридору, Ювеналия едва поспевала за ним. Около одной из комнат, из которой доносились жуткие нечленораздельные крики, батюшка остановился.

– Это Евдокия, – сказал он и решительно открыл дверь.

Картина, которая предстала перед ними, была не из лучших. Евдокия, тощая женщина с распущенными в беспорядке волосами, лежа на кровати, билась, извивалась всем телом, громко кричала, плевала во все стороны. Было ясно, что ее терзал бес.

Отец Иоанн подошел к ней, обхватил ее правой рукой, приподнял и, крепко держа, начал громко читать:

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его...

Женщина изменилась в лице, но все еще извивалась и билась.

– И да бежат! И да бежат! – Эти слова батюшка повторял много раз, все более и более усиливая голос. И продолжал: – Яко исчезает дым, да исчезнут! Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога!..

Как только отец Иоанн произнес эти слова, Евдокия перестала биться и затихла; она как бы совсем лишилась чувств.

Батюшка бережно опустил ее на кровать и перекрестил.

– Укройте больную и не трогайте, – распорядился он.

После этого отец Иоанн посетил еще несколько номеров. О некоторых больных он молился, встав у кровати на колени, других утешал несколькими ласковыми словами, третьих молча гладил по голове.

На обратном пути батюшка снова зашел к Евдокии. Та сидела на кровати, спокойная и умиротворенная. Увидев пастыря, она бухнулась на колени, ища его руки, чтобы облобызать ее.

– Радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! – воскликнул батюшка, поднимая Евдокию и усаживая ее на кровать. – Благодарю Господа Бога, а не меня, – сказал он, доставая из кармана узорчатый платок и надевая его на голову исцеленной женщины. – Вот тебе еще. – Он вложил в ее руку ассигнацию. – Молись и больше не болей.

С этими словами отец Иоанн вышел из палаты.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, он неожиданно остановился и сказал, обращаясь к Ювеналии:

– Ну, а теперь надень на меня шляпу.

Ювеналия была маленького роста да еще находилась на одну ступеньку ниже батюшки, поэтому все ее попытки выполнить его просьбу заканчивались впустую. А отец Иоанн только улыбался и говорил:

– Ну что же ты не надеваешь?

– Никак не могу, – отвечала Ювеналия. – Не дотянуться.

– Нет, ты надень, я прошу тебя.

Ювеналия снова и снова тянулась своими руками кверху, но, к большому сожалению, никак не могла дотянуться до батюшкиной головы.

А тот весело улыбался:

– Ты постарайся, постарайся как следует.

Монахиня обескураженно молвила:

– Ну никак... никак, и все...

Тогда батюшка наклонил голову, и она, наконец, выполнила его просьбу.

– Ну вот и надела! – победоносно воскликнул пастырь.

II Фотография

В этот же день Ювеналия вернулась в Санкт-Петербург; здесь она навестила свою бывшую наставницу, старую Ювеналию, которая возглавляла Рождественскую обитель. Встреча была на редкость трогательной. Через несколько дней они получили записку такого содержания: «Приезжайте завтра в Вознесенский монастырь. У нас будет служить отец Иоанн Кронштадтский».

Стоит ли говорить, как возликовало сердце молодой Ювеналии! «Даже не верится, что такое может быть, – думала она, вновь и вновь перечитывая записку. – Я опять увижу дорогого батюшку; мало того, буду молиться вместе с ним за Божественной Литургией и благодарить Господа, Который печется обо мне, грешной, каждую минуту».

И в самом деле эта Литургия была для молодой Ювеналии одной из самых незабываемых.

После богослужения настоятельница и все гости перешли в большую трапезную. Рядом с батюшкой заняли места почетные лица, а молодая

Ювеналия села вдальеке. Вдруг отец Иоанн оглянулся, ища кого-то глазами, и жестом руки пригласил его к себе. Никто не догадывался, кого батюшка приглашает, а точнее, не осмеливался принять это приглашение на свой счет.

Тогда старая келейница Елизавета, желая вывести отца Иоанна из затруднения, спросила:

– Вы кого, батюшка, зовете?

– Да вот, маленькую Кавказскую игумению, – ответил тот.

Когда Ювеналия подошла к нему, он посадил ее рядом с собой.

Сестры, которые прислуживали за столом, хотели поставить для молодой игумении отдельный прибор, но батюшка остановил их:

– Мы будем кушать из одной тарелки.

Ювеналия сидела справа от него; тарелку со стерляжьей ухой отец Иоанн подвинул ближе к ней, а сам взял ложку в левую руку, чтобы той удобнее было кушать. В разговоре он задавал такие вопросы, которые свидетельствовали о том, что он знает монастырскую жизнь очень хорошо. В частности он спросил:

– Твои сестры шьют апостольники из хлопковой ткани или из льняной?

– Преимущественно из хлопковой, – ответила Ювеналия.

– Постарайся, чтобы они больше шили из льняной, так как льняные апостольники лучше защищают от жаркого солнца, – посоветовал батюшка, пододвигая собеседнице тарелку с блинчиками, начиненными черной икрой.

Беседа продолжалась долго. Чтобы не возбудить в других гостях зависти, отец Иоанн громко сказал:

– Нужно молодую матушку поддержать, другого случая у меня может и не быть.

Надо ли говорить, как счастлива была молодая Ювеналия, встретив со стороны великого пастыря такое внимание и чуткость. Она набралась храбрости и попросила его подарить ей свою фотографию.

– А где будешь ее хранить? – спросил, улыбаясь, отец Иоанн.

– У себя на столе.

– А для чего?

– Чтобы всегда помнить ваши советы и наставления.

Батюшка отодвинул тарелки и стаканы, взял фотографию и на ее обороте написал: «На благословение... – секунду-другую подумал, подняв глаза, и закончил: –... схиигумении Фамари».

Взглянув на надпись, матушка ужаснулась:

– Как? Не может быть!

– Все может быть, – снова улыбнувшись, сказал великий пастырь, вручая фотографию совершенно растерявшейся и, кажется, потерявшей дар слова Ювеналии (несмотря на невероятность, с ее точки зрения, этого предсказания, оно в свое время исполнилось).

ГЛАВА ПЯТАЯ

I Засада

В столице Грузии, Тифлисе, находилось подворье Бодбийского монастыря, куда матушка игумения выезжала иногда по неотложным делам. Расстояние было сравнительное небольшое, всего сто верст, но зато опасное: разбойники и другие лихие люди нападали на путников и грабили их; часто их жизнь висела на волоске. Ювеналия знала об этом и поэтому всегда брала с собой икону преподобного Серафима.

Одна из поездок, случившаяся в ноябре 1907 года, круто изменила судьбу молодой игумении.

Ранним утром из ворот Тифлисского подворья выехал экипаж, запряженный четверкой лошадей. В карете находились Ювеналия, ее золовка Лейла с детьми (девочки пяти и семи лет) и послушница Елена. На козлах сидели кучер, кондуктор и слуга; путешественников сопровождал верховой стражник с ружьем за плечами.

Был прохладный, ясный, немного ветреный день. Отдохнувшие сытые лошади, понукаемые кучером, с рыси перешли на галоп, один квартал мелькал за другим. Вскоре на одной из улиц начался подъем, и лошади перешли на ровный шаг.

Неожиданно раздался звук выстрела, за ним другой. Ювеналия отдернула занавеску на окне и увидела несколько человек, которые бежали в сторону кареты и на ходу стреляли в нее.

– Гони лошадей! – крикнула она кучеру. – Засада!

Кучер хлестнул лошадей кнутом, и экипаж стремглав помчался по улице.

– Преподобный Серафим, спаси нас! – громко, во всю силу легких, воскликнула Ювеналия, прижимая икону преподобного к груди.

Лейла посмотрела в окно с другой стороны кареты и в ужасе закричала:

– Бандиты!

Кондуктор и слуга орали что есть мочи, подгоняя лошадей.

Это продолжалось недолго; выстрелы раздавались все чаще и чаще, и экипаж, словно вкопанный, замер на месте: все четыре лошади были убиты.

Ужас объял путешественниц; Лейла обхватила девочек руками, желая защитить их от опасности. Елена побледнела так, что стала блее осенней воды в пруду; ее зубы выбивали лихорадочную дробь.

Стрельба продолжалась; пули стучали по карете так часто, как будто хотели разнести ее вдребезги.

– Преподобный Серафим, не оставь нас! – вновь и вновь взывала Ювеналия.

В эту минуту показался отряд солдат во главе с офицером; один залп из дюжины винтовок заставил бандитов разбежаться в разные стороны.

Офицер открыл дверцу кареты и, увидев живых людей, сказал:

– Выходите, вам больше никто не угрожает.

Он помог перепуганным до смерти пассажиркам спуститься на землю.

– Благодарю вас, – сказала Ювеналия, пожимая ему руку; она одна сохранила присутствие духа.

Карета представляла из себя жалкое зрелище. Стекла в окнах разбиты, стенки изрешечены пулями настолько, что походили на решето, колеса сломаны, оглобли сорваны со своих мест; лошади лежали в лужах крови.

Кучер и верховой стражник скончались на месте, а кондуктор и слуга тяжело ранены.

Офицер (его звали Тариэл) с изумлением взирал на Ювеналию и ее спутниц.

– Не иначе, как само Небо сохранило вас, – произнес он, поправляя португую. – Мне как военному совершенно ясно, что смерть должна была покосить абсолютно всех.

– Нас спас преподобный Серафим, – ответила Ювеналия, сухими губами прикладываясь к иконе.

Сбежался народ; слышались всхлипы и причитания; хозяйка одного из ближайших домов пригласила к себе Лейлу с детьми и послушницу Елену, чтобы утешить и приободрить их.

Ювеналия попросила Тариэла отправить раненых в больницу; проезжавший мимо извозчик согласился помочь, причем категорически отказался от денег; матушка поехала с пострадавшими. В больнице она находилась до тех пор, пока хирург не сказал, что пострадавшие останутся живы; правда, им придется пробыть в больнице не менее месяца.

II Саров

Ювеналия решила во что бы то ни стало побывать в Сарове, поклониться мощам преподобного и поблагодарить его за спасение. В конце июня она отправилась в путь, ни на минуту не оставляя молитву.

Путешественница остановилась в Серафимо-Понетаевском женском монастыре, с игуменией которого была хорошо знакома.

– У меня есть заветная мечта, – призналась гостя в одной из бесед с игуменией Нектарией.

– Что это за мечта?

– Я бы хотела остаться до конца жизни вблизи преподобного Серафима.

– Ну что же, такое благое намерение можно только приветствовать, – сказала Нектария, перебирая четки.

– Причем мне бы хотелось поселиться в Царском скиту.

Царский скит, находившийся в двенадцати километрах от Сарова, принадлежал Серафимо-Понетаевскому монастырю.

– Прекрасный выбор, – одобрила Нектария. – Я готова предоставить вам домик, который вам понравится.

– Заранее вам благодарна, матушка. – Ювеналия привстала со стула и слегка поклонилась собеседнице.

– Для уединенной молитвы это самое подходящее место, вы будете чувствовать себя, как в Раю.

Желая привести мечту в исполнение как можно скорее, Ювеналия уже на другой день отправилась в Царский скит и выбрала хороший домик, стоящий в окружении тонких высоких берез. Маленькая келия, полочки для книг, аналой для чтения, узенькая лежанка – все было приготовлено как бы специально для нее. Перед окном росли цветы. Ювеналия представила, как она будет здесь жить и молиться, находясь вдали от мирской суеты, читать творения святых отцов, строго поститься и класть земные поклоны. О лучшем месте нечего было и мечтать.

– Ну, а теперь в Саров, – сказала она себе, покидая домик. – И непременно пешком.

Это решение было равносильно подвигу, потому что у матушки были больные ноги, и она не могла преодолевать большие расстояния. Но тут – случай особый, и все недуги решительно отметались.

Для здорового человека пройти двенадцать километров, да еще по лесистой местности, да еще в середине цветущего лета, – одно удовольствие. А вот матушке пришлось изрядно потрудиться. Почти пять часов занял этот путь, в течение которого она ни разу не присела, ни разу не отдохнула, ни разу не попила студеной водички – все ради преподобного.

И вот, наконец, она оказалась у его раки; благоговейно облобызав ее и преклонив колени, она долго-долго благодарила преподобного за все его благодеяния и за то, что он избавил ее и ее спутниц от верной смерти. А потом попросила благословение на поселение в Царском скиту. И услышала ответ, явственный и строгий: «Иди и устраивай собственный скит».

Ювеналия сначала не поверила тому, что услышала, и пришла в полное смятение: ведь рушилась ее заветная мечта, превращались в ничто ее замечательные планы, – но когда голос повторился, да еще строже и явственнее, она поняла, что все меняется. Она вспомнила слова, которые услышала от преподобного много лет назад: «Главное для христианина – исполнить волю Божию».

– Господи, помоги мне, грешной и недостойной, исполнить Твою святую волю, – сказала она, вставая с колен, и с этой минуты вся ее жизнь была посвящена этой цели.

III Скит

Место для скита нашлось очень хорошее: на пологой возвышенности, среди соснового бора, в удалении от больших населенных пунктов; сюда не проникала мирская суэта; воздух тут был свежий, чистый, бодрый; белки пребывали среди сосен в совершенной безопасности; пение птиц не умолкало.

Скит возник быстро, всего за два года. Во внешнем и внутреннем его устройстве Ювеналия принимала самое активное участие. Для жилья было построено двенадцать домиков – по числу двенадцати Апостолов, изображения которых находились на наружной стене. В них жили тридцать три сестры – по годам земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.

Каждый, кто входил на территорию скита, который утопал в цветах, посаженных насельницами, поражался его красотой. Скит был как бы земным раем, напоминая его обитательницам о вожденном Рае Небесном.

Кроме того, он находился всего в двадцати верстах от Москвы. Поэтому матушке игумении не трудно было ездить в столицу для решения тех или иных духовных и хозяйственных вопросов, связанных с жизнью скита.

IV Дар

Во время своих визитов в Москву матушка Фамарь (такое имя она получила при пострижении в схиму) старалась обязательно посетить Марфо-Марьяинскую обитель, которую основала Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Фамарь и Великую Княгиню связывала давняя и нежная дружба. Духовное устройство той и другой было таково, что они понимали друг друга с полуслова. Поэтому нет ничего удивительного в том, что матушка гостила в обители иногда по несколько дней.

Однажды, когда Фамарь в очередной раз приехала в обитель, Великая Княгиня встретила ее неожиданным вопросом:

– Ничего не стряслось в пути?

– Слава Богу, все благополучно, – ответила Фамарь, проходя в переднюю часть келии, к иконам; она перекрестилась и сделала три поясных поклона.

– Не далее, как два часа назад в начале Большой Ордынки прогремел сильный взрыв; в моей келии даже стекла задрожали. – Великая Княгиня прикрыла раскрытое окно. – Наверно, террористы взорвали полицейский участок или редакцию патриотической газеты. А может быть, совершили

нападение на нашего градоначальника. Не проходит и одного дня, чтобы не произошло что-нибудь чрезвычайное. Я своих сестер без надобности на улицу не выпускаю. Такие страсти кругом...

– Меня, как всегда, сохранил преподобный Серафим, мой защитник и покровитель. – Фамарь поставила икону преподобного, которую держала в руках, на стол, прислонив ее к вазе с цветами. – Я никогда не расстанусь с нею.

– И правильно делаете.

Великая Княгиня была в строгом темном одеянии, с безукоризненной прической, стройная, с красивой осанкой.

– Ваш скит не беспокоят смутьяны? – спросила она, подвигая стул для гостя.

– Пока Бог миловал. Крестьяне говорят, что в нашей волости появилась шайка разбойников, которые занимаются грабежом. У одного крестьянина увели корову и телку, у другого потребовали деньги; бедняга возопил: «Какие у меня деньги, если по лавкам семеро детей?» «Пожадничаешь, спалим дом», – пригрозили бандиты. Пришлось бедолаге занять у родственников порядочную сумму и отдать... К нам пока не заявлялись.

– А в мою обитель уже два раза наведывались подозрительные визитеры. Вели себя весьма нагло. «Подождите, – говорят, – еще немного, и доберемся до вас». «Мы боимся только Господа», – отвечаю я. «Скоро будете и нас бояться», – злобно ухмыляясь, обронили они. Очень неприятные типы...

– Я все упование возложила на преподобного Серафима. И ни о чем не беспокоюсь. Я уже рассказывала вам, любезная Княгиня, о многих чудесах, которые совершил преподобный. Сейчас мне вспомнился еще один совершенно изумительный случай.

– Поведайте о нем.

– Это было еще в Грузии. Ко мне в Бодби приехала двоюродная сестра Русудан; с нею был ее сын Амиран, мальчик лет семи. Неожиданно он заболел, поднялась высокая температура, он метался в жару, на животе появилось красное пятно. Осмотрев его, монастырский доктор сказал: «Острый приступ аппендицита. Нужна немедленная операция».

Отец мальчика был известным хирургом. Я дала ему телеграмму в Тифлис: «Ваш сын при смерти. Срочно приезжайте».

Затем мы отслужили молебен о здравии. Помолиться собрались почти все сестры. Священник прочитал положенную молитву, а я приложила икону преподобного Серафима ко лбу и к животу мальчика. К концу молебна Амиран затих и заснул.

Вечером приехал его встревоженный отец. Он сразу прошел в комнату, где находился больной, а мы сидели на стульях в коридоре. Через некоторое время хирург вышел, у него было недовольное и рассерженное лицо.

– Зачем вы меня вызвали? – обратился он ко мне. – Что за шутки? Вы же знаете, как я занят, у меня каждая минута расписана, а я поехал в такую даль,

потерял драгоценное время. Мой сын совершенно здоров. Я внимательно осмотрел его и не обнаружил никаких признаков болезни.

– Успокойся, Арчил, и не брани матушку. – Русудан подошла к мужу и все объяснила.

– Н-да, вот так история, – протянул хирург и долго оставался в задумчивости. – Если бы своими глазами не увидел сына, ни за что бы не поверил.

– Представляю, какую радость доставил преподобный Серафим родителям Амирана! – сказала Елизавета Феодоровна.

Взяв со стола икону преподобного, она подержала ее в руках, глядя на его образ, а потом приложила к нему.

– На днях я получила письмо от своей сестры, Александры Феодоровны, – продолжала Великая Княгиня, – она сообщила, что Цесаревич Алексей, играя в саду, неловко упал и повредил ногу; началось кровотечение. Вы же знаете про этот ужасный недуг – гемофилию, который уже который год мучает его. Мальчик слег, было приложено много усилий, чтобы остановить кровотечение, но ничего не помогло... Бедный мальчик, мне так жалко его...

Елизавета Феодоровна на минуту замолчала, что-то обдумывая, а потом, повернувшись к собеседнице, продолжала:

– Кажется, мне пришла в голову счастливая мысль. Икона преподобного, которая так чудесно помогла Амирану, может помочь и Цесаревичу. Можете ли вы, моя любезная сестра во Христе, подарить ему эту икону? Я понимаю, как трудно вам расстаться со святыней, но все же... все же... – Она снова замолчала, выжидающе глядя на Фамарь. – Врачебное искусство Алексею, к сожалению, не помогает, поэтому вся надежда только на Небо.

– Я, право, в некотором затруднении, – промолвила Фамарь, подыскивая подходящие слова, чтобы объяснить свое душевное состояние. – Я как-то... даже не знаю...

– Я все понимаю, – пришла ей на помощь Великая Княгиня, – очень хорошо понимаю. И, конечно, ни на чем не настаиваю. Я все эти дни молилась о Цесаревиче и даже всплакнула. Как мне жаль его... А родители... Их мне жаль еще больше, их муки просто невыносимы... – Елизавета Феодоровна глубоко вздохнула. – Бедный мальчик... у меня сердце болит, когда я о нем думаю...

– Мне его тоже очень жаль, – сказала Фамарь, – и я хочу его скорейшего выздоровления. Как мне ни прискорбно расставаться с чудотворной иконой, я иду вам навстречу, Ваше Высочество, а точнее, иду навстречу Цесаревичу. Я не могу не помочь ему. Возьмите икону и побыстрее передайте ее в Санкт-Петербург.

– Иного решения я от вас и не ожидала, – сказала обрадованная Великая Княгиня. Она встала и расцеловала гостью в обе щеки.

Через три дня Фамарь получила краткую записку от Великой Княгини. В ней стояло: «Батюшка Серафим помог. Цесаревич снова здоров. Государь и Государыня низко кланяются».

V

«Мое сердце чует большую беду»

Для епископов, священников, монахов большевистский атеистический гнет был очень тягостным. Их могли в любой день и в любой час арестовать, отправить в далекую ссылку или сразу расстрелять. Поэтому они старались держаться подальше от назойливых чекистских глаз.

Игуменья Фамарь дала приют одному из гонимых пастырей – епископу Арсению. Он жил за пределами обители, в отдельном небольшом домике, окруженный вниманием и заботой матушки и сестер. Иногда к нему приезжал его ближайший духовный друг – архимандрит Серафим. Они каждый день служили Божественную Литургию, исповедовали и причащали насельниц скита, а в свободное время гуляли по тихим лесным тропинкам, ведя длительные беседы на духовные темы, делились своими переживаниями и мыслями о судьбах России.

Однажды они решили провести зиму в Белопесоцком мужском монастыре, который находился в пятидесяти верстах от Серпухова, на левом берегу Оки при впадении в нее речки Кремеченки.

Как только друзья уехали, сердце игуменни заныло.

– Боже мой, зачем я их отпустила! – восклицала она, шагая по келии взад и вперед. – Боже мой, что я наделала! Им грозит большая опасность. Я могу и не увидеть их больше живыми. Господи, что мне делать?

Всю ночь она не сомкнула глаз, все шагая и шагая из угла в угол по своей келии. Утром, едва рассвело, она позвала двух самых верных и надежных монахинь – Поликсению и Руфину.

– Немедленно, с первым же поездом, отправляйтесь в Белопесоцкий монастырь, – распорядилась она. – И привезите обратно наших пастырей. Чует мое сердце, что над их головами сгустились черные тучи. Без них не возвращайтесь.

– Благословите, матушка.

Сестры подошли к ручке игуменни и, не мешкая, отправились в путь.

Через несколько часов они предстали пред глазами владыки Арсения и его друга. Те очень удивились их неожиданному появлению. И еще больше удивились, когда Поликсения сказала:

– Мы приехали сюда затем, чтобы вместе с вами вернуться обратно.

– Вместе с нами? – не поверили пастыри.

– Да.

– Чем это вызвано?

– Это распоряжение матушки.

– Распоряжение матушки? – Владыка и его друг переглянулись. – За этим действительно что-то стоит.

– Она сказала, что ваша жизнь в опасности.

Наступило короткое молчание, во время которого пастыри обдумывали весьма серьезное сообщение.

– Что же нам может угрожать? – наконец нарушил молчание Арсений. – Стены монастыря надежные, запоры в келиях крепкие, ночью ворота закрываются на пудовые замки. Отец настоятель давеча сказал, что кругом тихо.

Владыка как бы в подтверждение своих слов развел руками.

– И все же вы должны покинуть эту обитель, и чем быстрее, тем лучше, – тоном, не допускающим возражение, заявила Поликсения.

– Матушка сказала, что не будет ни есть, ни пить до тех пор, пока не увидит вас, – добавила Руфина.

– Н-да, ситуация аховая, – проговорил Арсений, на лице которого появилась озабоченное выражение. – Батюшка, ты что скажешь? – обратился он к отцу Серафиму.

– Если мы не вернемся, то очень опечалим матушку, – произнес тот. – Надо ее утешить.

– Я того же мнения.

– Мы вернемся денька на два, а потом, если Бог даст и если будем живы, то приедем обратно, – предложил Серафим.

– Золотые слова. – Арсений повеселел, так как было найдено решение, которое устраивало абсолютно всех.

– Тогда не будем задерживаться, – сказала Поликсения.

– Ровно через пять минут мы покинем обитель, – заключил Арсений.

Ночью, после отъезда гостей, в Серпуховском монастыре произошло чрезвычайное событие, которое потрясло умы и воображение как насельников обители, так и жителей всего уезда. Неизвестные лица, проникнув на территорию монастыря, облили горючим веществом домик, в котором останавливались Арсений и Серафим, и подожгли его, предварительно заблокировав входную дверь. Если бы гости остались в нем на ночь, то неизбежно погибли бы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Незванные визитеры

Это произошло в праздник Крещения Господня. В скитском храме шла Божественная Литургия. Игуменья и сестры усердно молились, делая поясные поклоны.

Когда хор запел «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...», двери храма растворились настезь и в него с громкими криками и бранью ворвалась группа подвыпивших бандитов в распахнутых пальто, с красными бантами на груди. Их возглавлял сорокалетний мужчина сажонного роста, с грубым, давно небритым лицом, левую сторону которого пересекал красный шрам; перегаром от него несло гораздо больше, чем от остальных членов шайки. Некоторые из незваных визитеров были с собаками-овчарками.

– Кончай базар! – заорал главарь, размахивая револьвером. Расталкивая сестер направо и налево, он подошел к аналою, взял икону «Крещение Господне» и со всего размаху бросил ее на пол.

– Кто вы такой? – спросила его игуменья Фамарь, встав со своего места и не подходя к нему близко из-за того, что от него сильно несло перегаром. – И почему учиняете в святом месте святотатство?

Вопрос был задан со властью в голосе, и хотя игуменья была маленького роста и смотрела на главаря снизу вверх, тот на мгновение опешил, а потом заорал:

– Я Гришка-большевик по кличке Верзила, командир отряда особого назначения. Я борюсь с религиозным дурманом и выжигаю его каленым огнем. Я ненавижу вашего Бога, ненавижу лютой ненавистью монахов и монахинь, все вы – плуты и обманщики. Я разорил уже десятки храмов и монастырей, а сегодня добрался и до вас...

Он кричал грубо и нагло, из его рта вылетала слюна.

Матушка игуменья, нисколько не изменившись в лице, твердо проговорила:

– Я не позволю вам хамить, а тем более разорять храм.

Она подняла брошенную икону и положила ее на прежнее место.

Гришка-большевик сверху вниз посмотрел на игуменью, готовый уничтожить ее взглядом, и злобно прорычал:

– Твоя власть кончилась, и теперь ты здесь никто. Я с этой минуты здесь хозяин.

– Вы слишком много берете на себя, – возразила Фамарь спокойным тоном. – Мне вас очень жаль. И не только вас, но и всю вашу компанию. Вы не ведаете, что творите.

– Это я-то не ведаю? Я, разоривший и предавший огню десятки монастырей? Я один из тех, кто творит новую историю, – гремел Верзила. – Наполеон и в подметки мне не годится. Вот кто я! А ты погибнешь, как муха.

– Ваши слова говорят о том, что вы человек чрезвычайно заблудившийся. Мы молимся о всех людях, а о заблудившихся с особенным старанием.

– Мать, перестань городить чепуху. Моим ушам даже больно от нее. Лучше возьми за ум и откажись от Бога.

– Этого никогда не будет! – твердо заявила игуменья. – Христос – моя жизнь, и я останусь Ему верна до конца моих дней.

– Их у тебя очень мало, – хохотнул бандит.

– Господь лучше вас знает об этом...

II «Сестры, терпите!»

Между тем сестринский хор продолжал службу, а священник в алтаре читал положенные тайные молитвы.

Верзила шагнул на клирос и заорал:

– Прекратить!

Мать-регент запела:

– Аллилу-уиа-а-а!

И хор подхватил:

– Аллилу-уиа-а-а! Аллилу-уиа-а-а! Аллилу-уиа-а-а!

– Молчать! – заревел Верзила, потрясая револьвером. – Иначе всех перестреляю!

Хор замолк.

Бандит вышел на амвон.

– Именем пролетарской революции объявляю: враждебное новой власти, гнилое религиозное гнездо отныне не существует. Всем монашкам немедленно покинуть храм. Заслушание – смерть!

Игуменья Фамарь, побледневшая, но сохранившая присутствие духа, произнесла недрогнувшим голосом:

– Божественная Литургия еще не окончена. Сегодня двенадцатый праздник – Крещение Господне, поэтому обращаюсь к вам с просьбой: разрешите нам закончить службу и причаститься Святых Христовых Таин.

– Ха-ха-ха! – загоготал Верзила. – Чего захотела! Причаститься! Сегодня я буду вас причащать. Таким причащением, какое вам и не снилось.

Он повернулся, через Царские врата вошел в алтарь.

– Хватит людей морочить, – накинулся он на иеромонаха Мефодия. – Пора и отдохнуть. – Он грубо оттолкнул его от престола. – Если будешь вести себя смиренно, то останешься живым, а если будешь артачиться, то мигом прихлопну – мне это не впервой.

Верзила вернулся на амвон и гаркнул:

– Пролетарскому отряду приступить к зачистке помещения.

Молодчики пошли стеной на монахинь, залаяли овчарки; раздались крики и стоны сестер, плач, визг.

– Не уйдем!

– Пощадите!

– Изверги!

– Креста на вас нет!

– Ироды! –

неслось со всех сторон.

Бандиты, не церемонясь, грубо выталкивали сестер из храма; многие из них упирались, и тогда молодчики тащили их волоком и бросали в сугроб.

– Матушка, родимая, да что же это такое? – воскликнула инокиня Вероника.

Фамарь громко, так, чтобы слышали все сестры, произнесла:

– Сестры, терпите! Господь сказал: «Меня гнали, будут гнать и вас».

Поступим так, как учит нас Сам Спаситель.

Верзила, перекрывая шум и гам, крикнул:

– Во дворе стоят крестьянские сани. На них вас и повезем. На сборы даю ровно полчаса.

В считанные минуты храм опустел.

Главарь взял под руку священника.

– Пойдем, батя, – ехидно ухмыляясь и дыша едким перегаром, процедил он. – Прогуляемся на свежем воздухе...

III

«Санный поезд»

Стоял ясный, солнечный, морозный день; на ветвях сосен и берез лежали снежные серебристые одеяльца; к каждому домику вели расчищены дорожки; небо было необычайно синее, и казалось, что солнце плывет в бездонном океане.

– Сестры, не забудьте взять необходимые документы, а самое главное, оденьтесь потеплее, на дворе лютый мороз, – напутствовала своих воспитанниц игумения.

– Поторапливайтесь, – гремел Верзила, – поторапливайтесь. В вашем распоряжении остались считанные минуты.

Молодчики с овчарками ходили от одного домика к другому, силком выгоняли сестер, не обращая внимания на их слезы и мольбы, и вскоре все сани были готовы к отъезду.

– Никто не остался? Проверить, – дал команду главарь.

– Все до единой здесь, – доложил один из бандитов. – Прикажешь пустить красного петуха? – он кивнул на храм.

– Не красного, а краснейшего, – уточнил Верзила. – Это мое самое любимое зрелище.

Двое или трое молодчиков, схватив канистры, облили керосином стены храма; один из них чиркнул спичкой; жадное пламя мгновенно охватило сухое деревянное строение.

– Вот петух так петух! Одно загляденье! – орал главарь, наблюдая, как снопы искр с треском устремляются в небо.

Он пошел вдоль обоза, бесцеремонно расталкивая сестер, сидящих в санях. И если находил узлы и сумки с необходимыми вещами, которые насельницы взяли с собой, выкидывал их в снег.

– Оставь! Не трожь! – вопили сестры. – Что творишь, злодей? Совести у тебя нет!

– Все это вам не нужно, – огрызнулся Верзила, не обращая внимания на протесты. – В Царствие Небесное нужно входить налегке.

– Куда вы нас повезете? – обратилась к нему Фамарь.

– Куда Макар телят не гонял, – хохотнул тот. – Будете еще сто раз благодарить меня...

Он поманил к себе отца Мефодия, который сидел в санях рядом с игуменией.

– Садись в наши сани, в мужскую компанию, веселей будет.

– Нет, я поеду с сестрами, – отказался батюшка. – Во все дни был с ними, и в печали не оставлю.

– Как хочешь, – махнул рукой бандит. – Трогай! – скомандовал он, прыгнув в передние сани.

Подводы одна за другой потянулись к распахнутым воротам. Плач и рыдания не прекращались. Скрип полозьев вторил этим печальным звукам.

Дорога шла лесом; деревья стояли зябкие, притихшие; кругом было бело; иногда над верхушками деревьев, громко крича, пролетали вороньи стаи.

Ехали долго, может, час, может, два – мороз, пробиравший подневольных пассажиров до костей, притуплял течение времени.

Санной поезд свернул с торной дороги на какую-то заброшенную просеку; лошади пошли медленно, утопая в глубоком снегу. Наконец они остановились.

– Приехали! – заорал Верзила, выпрыгнув из саней. – Вытряхивайтесь! Быстренько! Быстренько! Не задерживайте нас, мы люди деловые, у нас впереди прорва важных дел.

Пошел крупный, но редкий снег.

– Вот то, что нужно! – матюгнулся главарь. – Я обещал вам причастие, вот оно и есть: холодный вкусный снежок! Только и делов – открыть рот. Вприкуску с январским морозцем. Это самое забористое причастие в вашей жизни. Лучшего уже не будет.

Пьяная компания громко и грубо расхохоталась, нарушив тишину дремучего леса.

– По коням! – заорал Верзила. – Домой!

Лошади развернулись, обоз, теперь уже полупустой, двинулся по просеке и через некоторое время скрылся за поворотом.

IV Лось

Бледное солнце освещало верхушки сосен, дубов, елей; заснеженный лес застыл в молчании; заяц-беляк выскочил из-за деревьев, увидел темные фигурки людей, испугался и стремглав юркнул в чашу; уставшая ворона села на еловую ветку, она качнулась, и слой пушистого снега мягко просыпался на землю.

– Что же с нами будет, матушка? – спросила престарелая послушница Марфа, потуже затягивая под подбородком концы шерстяной шали.

Игуменья Фамарь, стоя по пояс в глубоком сугробе, с лицом, на котором горели ярким, чудесным огнем большие прекрасные глаза, сказала:

– Господь очищает нас, как золото в горниле. Он ведет нас по лучшему из всех путей, которые существуют на свете. Мы нужны ему чистые, как этот снег, как это небо, как это солнце. Мы нужны ему, как закаленные в боях воины, которым не страшны никакие беды и невзгоды. Господь готовит нам неувядаемые венцы. Так будем ли мы уклоняться от них?

– Никогда! – ответила Марфа, выпрямив голову. – Никогда! – повторила она, подходя к игуменье и целуя у нее руку.

– Куда же нам идти? В какую сторону? – спросила монахиня Досифея, ни к кому конкретно не обращаясь и оглядываясь по сторонам. – Как бы нам не забрести в непроходимые дебри и не заблудиться. Матушка, что вы скажете? – обратилась она к игуменье.

– Господь лучше нас знает, куда идти, – сказала Фамарь. – Нужно только исполнить Его волю.

В это время на просеку вышел высокий поджарый лось с заиндевевшими боками и с гладкими рогами, похожими на две раскрытые ладони; он посмотрел на людей, пожевал губами, мотнул головой, как бы приглашая людей следовать за ним, и направился вглубь леса.

– Вот наш проводник, – обрадовано сказала Фамарь. – Лучше его никто не знает этот лес.

Колонну возглавила сильная и рослая послушница Александра; она уверенно двигалась по глубокому снегу, стараясь делать короткие шаги.

– Ступайте прямо в мои следы, – крикнула она, – легче будет идти.

После десятого, а тем более после двадцатого путника образовались уже более или менее сносные следы, и сестры передвигались без особых осложнений. Труднее всех было матушке игуменье: из-за своего маленького роста, да еще из-за длинной рясы ступать ей было очень неудобно; она шла предпоследней; замыкал колонну отец Мефодий, в особенно затруднительных случаях приходивший Фамари на помощь.

Лес был густой, и тропа виляла из стороны в сторону, обходя деревья. Послушница Александра старалась не выпустить из поля зрения лося, который на своих длинных и сильных ногах легко передвигался по сугробам. Иногда он останавливался, повернув голову и дожидаясь медленно двигавшуюся колонну; а когда послушница Александра и следующие за ней люди приближались, он, довольный тем, что они никуда не делись, продолжал свой путь.

Прошло не менее часа, прежде чем лес начал редеть; появилась широкая поляна, заросшая густым кустарником, а потом колонна вступила в березовый перелесок, и как только он кончился, люди увидели вдалеке деревенские избы; из печных труб прямым столбом поднимался дым.

Лось свернул в сторону, оглянулся на людей, как бы прощаясь с ними, перешел на быстрый шаг и вскоре скрылся в недалеком лесу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Перхушково

Остаток зимы беглянки провели в той деревушке, куда привел их поджарый лось, а весной они перебрались в село Перхушково, где им удалось снять за мизерную цену большой добротный дом; он был построен до революции и принадлежал богатой дворянской семье, которая по известным причинам эмигрировала за границу; в нем было много удобных комнат, просторная резная веранда, вместительный зал со многими окнами, выходящими в тенистый сад.

Распорядок дня был такой же, как в скиту. Одна из комнат являлась храмом; Божественная Литургия была духовным стержнем скита. Сестринским хором руководила сама матушка, у нее был приятный голос, которым она прекрасно владела. Фамарь причащалась каждый день, а сестры – каждую субботу.

После завтрака сестры принимались за работу: они стегали одеяла (это был основной заработок). Разговаривать не полагалось, сестры по очереди читали вслух Псалтирь. Иногда к ним приходила матушка, садилась на стульчик, помогала стегать и что-нибудь рассказывала из своей жизни или из жизни святых.

Фамарь была великая постница; ела она очень мало; ее обед, например, состоял из двух печеных картофелин или одного печеного яблока.

Кажется, только одна монахиня Евпраксия знала, что матушка носила вериги; спала она на досках, о чем трудно было предположить при ее худобе. Она очень любила все белое: апостольник, скатерть на столе, занавесы на окнах, покрывала на постелях. Все келии в доме сверкали безукоризненной чистотой.

На маленьком низеньком столике всегда были свежие цветы, которые привозили духовные дети: то астры, то гортензии, то пионы, то флоксы. И обязательно розы, которые матушка особенно любила.

И зимой, и летом, и во время поста, и вне его, и во время молитвы, и в общении с сестрами и духовными детьми Фамарь неизменно была светла и радостна.

II

Щука

У матушки было слабое здоровье; однажды она серьезно заболела, давление – давнишний недуг – скакало почти каждый день, не давая передышки; температура то поднималась, то опять приходила в норму; матушка ослабела. Чтобы подкрепиться, ей захотелось съесть немного рыбы. Но где ее взять зимой, да еще в деревне? Сестры очень опечалились, что не могут выполнить матушкино желание.

Как-то утром монахини Поликсения и Руфина пошли с ведрами на речку за водой. Стоял тихий морозный день, узкая тропинка, протоптанная между высокими сугробами, виляла между заснеженными деревьями; снег весело поскрипывал под валенками.

Дойдя до речки и глянув в прорубь, монахини ахнули: в студеной воде играли две щуки. Вот бы поймать хоть одну из них! Но чем – вот вопрос?

– Может, ведром? – предложила Руфина.

– Спугнем – не получится, – отсоветовала Поликсения.

– Кажется, у отца Мефодия есть сачок; помнится, летом он ходил с ним на речку.

– Хорошо, что ты вспомнила об этом.

Сестры побросали ведра и помчались домой. Сачок отыскался, и батюшка поспешил с монахинями на речку. Щуки по-прежнему играли, как будто дожидаясь их. Отец Мефодий ловким движением поймал одну из них.

В эти минуты матушка читала про себя акафист преподобному Серафиму Саровскому; она читала его каждый день и уже давно знала наизусть.

Уха получилась на славу. Здоровье матушки пошло на поправку.

III

Она пришла в священный трепет

В Перхушково изредка приезжали матушкины духовные дети – уврачевать какую-нибудь духовную язву, посоветоваться о запутанной жизненной ситуации, взять благословение на какой-то важный и неотложный шаг.

Однажды Катя Коновалова приехала со своей ближайшей подругой Антониной. У Антонины был весьма сложный период в жизни, ее душу одолевали то печаль, то тоска, в непонятной чередой сменявшиеся одна другую, она не могла понять их причину и, конечно, не знала, как от них избавиться. Время было тяжелое, нервное, беспокойное, она не представляла, что с нею будет завтра, а тем более послезавтра.

Она поделилась своими душевными переживаниями с Катей.

– Знаешь, что, – сказала Катя, внимательно выслушав свою подругу. – Поедем-ка к матушке Фамари.

– А кто она? – спросила Антонина.

– Старица. Непременно тебе поможет.

– Но ведь она меня не знает.

– Зато меня знает, я порекомендую тебя.

Было начало сентября, когда они отправились к матушке. Поезд тащился медленно, останавливаясь на каждой станции, и им казалось, что он никогда не доедет до нужного места. Но он все же доехал.

Катя и Антонина вышли из вагона. Был солнечный, по-осеннему свежий, прозрачный день. Подругам предстояло пройти четыре километра. Дорога шла березовым лесом, листья которого уже коснулась первая нежная желтизна. Тропинку устлали сухие прошлогодние листья. Хлопотливые синички весело чирикали, перелетая с ветки на ветку. Небо было чистое, и только изредка появлялись перистые облака, которые быстро таяли. Березовый запах кружил голову. Подругам не верилось, что они совсем недавно оставили большой озабоченный город.

Антонина волновалась: как ее встретит матушка, что она ей скажет и сможет ли правильно объяснить свое душевное состояние?

Показалось село, подруги свернули в узкий переулок, среди сосен и берез увидели большой барский дом; в окнах мелькнули белые апостольники.

Гостей встретили очень радушно, как своих родных, и провели на веранду. Появилась матушка, она была вся в белом; Катя рассказала о своей подруге; матушка внимательно посмотрела на нее и позвала одну из сестер.

– Принеси-ка сюда подушку и одеяло, – распорядилась она.

На веранде стоял диван, на котором немедленно появилась подушка в белоснежной наволочке и одеяло.

– Вы лягте, отдохните, – сказала матушка, обращаясь к Антонине, – а я пока поговорю с Катюшей. Я вас позову.

Антонина осталась одна; в тишине она собралась с мыслями, а главное, успокоилась; составила примерный план беседы, но, конечно, все получилось по-другому.

Вскоре ее позвали к матушке; она перешагнула порог келии. Келия была маленькая, в одно окно, светлая и беленькая. В красном углу было много икон, горела лампадка. Матушка сидела на низеньком соломенном кресле; у нее были темные, похожие на изгиб волны, брови и очень красивые руки; все в ее келии было маленькое, соответствующее ее росту.

Антонина села на узкую скамеечку; она хотела поведать о своих проблемах и переживаниях, но матушка остановила ее и задала два-три вопроса. А потом тихим спокойным голосом рассказала о том, что ее мучило и беспокоило в последнее время, откуда это все возникло и почему так долго не проходило. Антонина пришла в священный трепет: матушка видела ее насквозь; она читала ее самые сокровенные мысли и движения души, даже те, о которых та даже и не подозревала.

Антонина вышла из келии обласканная, просветленная, счастливая; ее душа пела, с нее свалился пудовый груз. Как же она полюбила с этих пор

милую матушку! Как ей хотелось встречаться с ней как можно чаще! И как она радовалась, когда ей это удавалось!

IV Расправа

Дом в Перхушково находился под постоянным наблюдением чекистов. Матушка и сестры знали об этом; соблюдалась, насколько это было возможно, конспирация, число визитеров сокращалось до минимума, с жителями Перхушково контактов почти не было. Дамоклов меч висел над домом и в любую минуту мог упасть. Можно только удивляться, каким образом скит просуществовал семь долгих лет.

Расправа наступила в холодный дождливый осенний день. Как коршун налетает на перепелиное гнездо и в одну секунду разоряет его, так и отряд вооруженных бандитов налетел на мирный скит и прекратил его существование.

Матушку и отца Мефодия арестовали и заключили в тюрьму, а сестер разогнали в разные стороны, предупредив под страхом смерти, чтобы они ни в коем случае не собирались вместе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I «Милость Божия посетила тебя»

Тюремная камера, где оказалась матушка Фамарь, вмещала пятьдесят человек – весь преступный женский мир в миниатюре: воровки, уголовницы-рецидивистки, проститутки, алкоголички, сектантки, наркоманки. Матушка относилась ко всем ровно, уважительно, с большим снисхождением, она понимала, что все они создания Божии, чьи души искалечены разными жизненными обстоятельствами, и в первую очередь страшным атеистическим режимом. Все ночи напролет она молилась о них, взывая к всепрощающему милосердию Божию.

Обитательницы камеры сразу выделили матушку из всей разношерстной среды, устроили ей уголок, повесили что-то вроде занавески, сделали все, чтобы она могла не только отдыхать, но и молиться. И только одна уголовница-рецидивистка по кличке Красотка люто возненавидела матушку. Тот человек, который приклеил ей эту кличку, был явно не обделен чувством юмора: у нее была отвратительная, уродливая внешность.

Красотка не упускала ни одной возможности, чтобы досадить Фамари: плевала ей под ноги, скрежетала зубами, когда та проходила мимо нее, насмехалась над ее верой, обзывала грязными словами. Матушка принимала все это со смирением и благодарила Господа за то, что Тот попускает ей такое искушение.

Один раз, когда Красотка была особенно не в духе и изрыгала всякую похабщину в адрес матушки, а та, жалея падшую женщину, молилась про себя: «Господи, прости ей, не ведает, что творит», уголовница, не выдержав удивительного смирения монахини, ударила ее в левую щеку. Вся камера ахнула, а затем пришла в великое удивление, когда увидела, что матушка подставила уголовнице другую щеку. Красотка размахнулась, чтобы ударить еще раз, и вдруг застыла с поднятой рукой. Ее лицо выразило крайнее изумление, смешанное с сильной раздражительностью.

– Ты колдунья! – крикнула она тонким визгливым голосом. – Я хочу ударить тебя еще раз, сильнее, чем прежде, но не могу. Ты хитрая и злая колдунья – вот ты кто!

– Нет, я не колдунья, и тем более не хитрая и не злая, – кротко ответила матушка. – Вы ошибаетесь, принимая меня не за ту, что я есть на самом деле.

– Значит, ты знахарка, – не унималась Красотка.

– И знахарством я никогда не занималась.

– Может, ты чародейка?

– Нет.

– Кто же ты? – злобно выкрикнула Красотка, потирая поднятую руку.

– Я православная христианка, – сказала матушка, осеняя сначала себя, а потом и уголовницу крестным знаменем.

– Я что-то не слышала про таких, – проговорила Красотка, опуская руку.

– Это, наверно, люди, которые промышляют разбоем?

– Вы ошиблись. Православные христиане разбоем не занимаются.

– А чем же они, скажи мне, занимаются?

– Они занимаются добрыми делами: помогают неимущим, утешают страждущих, заботятся о сиротах, молятся о заблудших.

– А кто такие заблудшие?

– Это те, которые сбились с правильной дороги.

– Хм, – осклабилась уголовница, – как будто она существует, эта правильная дорога...

– Конечно, существует.

– Трудновато в это поверить. – Красотка поводила глазами, словно ища эту дорогу. – Слушай, мать, – продолжала она, – скажи мне, почему я не

смогла ударить тебя второй раз? Моя рука так и чесалась, так и чесалась, а ударить я все же не смогла. Вот удивительно!

– Ничего удивительного в этом нет, – сказала матушка.

– Как нет? – не поверила Красотка. – Что со мной произошло?

– Вас коснулась Божия благодать.

– Чего? Чего?

– Милость Божия посетила вас.

– Вот уж чего не знаю, того не знаю...

Бесовская злоба потухла в глазах уголовницы, она как-то обмякла, словно из нее вынули невидимый стержень.

– Я жалею, что ударила тебя, – неожиданно даже для самой себя сказала Красотка. – Да, жалею. – Она прислушалась к себе, как бы проверяя, так ли это на самом деле. – Ударь и ты меня. Тогда мы будем квиты. – Она подставила правую щеку.

– Мне нет нужды ударять вас, – сказала матушка. – Я прощаю вас.

– Меня никто в жизни не прощал, – произнесла уголовница, – ты первая меня простила.

– Вот и хорошо, – мягко произнесла матушка.

Она обхватила плечи уголовницы своими руками и поцеловала ее в подставленную щеку.

Камера замерла, в ней повисла такая тишина, какой никогда не было. Обитательницы камеры переглядывались между собой, через некоторое время начали тихо шептаться, обсуждая случившееся, никто громко не говорил. Почему Красотка вдруг изменилась, почему она из ярого волка в считанные минуты превратилась в кроткую овцу – об этом никто, кроме матушки, не знал и не догадывался.

Уголовница села на нары, положив руки перед собой и опустив голову, и надолго осталась неподвижной. Матушка прошла на свое место за занавеской и встала на колени, чтобы поблагодарить Господа за все, что произошло.

II

«Примите мои сердечные поздравления»

Две молодые воровки, неразлучные подруги – как на свободе, так и в тюрьме – Дуська Редькина и Варька Капустина, кажется, больше других недоумевали, почему Красотка вдруг присмирела. А еще больше недоумевали, каким образом Фамари удалось ее укротить.

– В разных тюрьмах сидела и разных людей перевидала, но такой, как эта маленькая старушка, еще не видела, – наклонившись почти к самому уху своей подруги, шептала Дуська. – Бедовая старушка, ничего не скажешь.

– Не столько бедовая, сколько странная, – округлила глаза Варька. – Я никак не могу ее понять. Кто-то заплачет с горя, а она подойдет и начнет успокаивать. Да пусть плачет хоть сутки, я с места не сдвинусь и даже глядеть в ту сторону не буду. А она вскочит и прибежит.

Вчера рыжей проститутке сообщили плохую новость, и она впала чуть ли не в истерику. Фамарь тут же появилась, погладила ее по голове и не отошла от нее до тех пор, пока та не успокоилась... Это мне как-то совсем непонятно...

– Мне тоже... А помнишь, недавно заболела Надька-туберкулезница, так Фамарь стала ухаживать за ней, всю ночь не спала, пока той не стало лучше.

– Помню, как же... А насчет передач – это же смех курам! Каждый день приносят ей передачи, а она что делает? Раздает все до капельки. И заботится, чтобы всем обязательно досталось. Хоть немного, но досталось. Иногда ей самой ни кусочка не остается. Умора! Да если бы мне приносили передачи, пусть не так часто, я разве стала бы раздавать? Да никогда. Я же не дура.

Варька сжала губы в знак того, что она действительно не дура.

– Она могла бы жить здесь, как на курорте, – развивала мысль своей подруги Дуська. – Ей же приносят все, что она захочет. Если скажет: «Мне нужно птичье молоко», ей тут же его доставят. Правда, она тут же отдаст его Надьке-туберкулезнице...

– Ну сказано: дура, и все тут.

Подруги помолчали, оглядывая камеру, которая снова жила, как прежде, то есть в неуправляемом хаосе.

– Фамарь говорит, что любит всех. – Дуська покрутила пальцами у виска. – Бред, да и только. Как это можно любить всех? Разве можно полюбить убийцу или наркоманку? Или какую-нибудь пьянчугу? Нет, конечно. А она говорит: «Всех...» Во дает... Я, например, люблю только себя. А ты?

– Я тоже.

– А чтобы сразу всех – это чепуха на постном масле... А еще говорят, будто она знает о человеке все наперед, будто ей это каким-то образом открыто...

– И ты этому веришь?

– Нет, конечно.

– Это сказки дядюшки Мазая... Я не верю ни единому ее слову... Она несет такую чепуху – уши вянут... Очень подозрительная особа...

– Наверно, она подсадная утка. – Дуська еще понизила голос. – Специально подослана к нам...

– Для чего?

– Ясно, для чего: выведать всю подноготную, а потом заложить...

– Скажи, как замаскировалась...

– Нам надо держать с ней ухо остро... – Дуська взяла руку подруги и крепко сжала ее, давая этим понять, что как была она ее верной помощницей до сих пор, так и останется ею и впредь.

В это время к подругам подошла матушка Фамарь. Как и всегда, в ее глазах светилась радость.

– Евдокия Васильевна, – обратилась она к Дуське, – завтра у вас день рождения, примите мои сердечные поздравления, а также маленький дар.

С этими словами она протянула оторопевшей от неожиданности Дуське шоколадную конфету.

– А вам, Варвара Ивановна, я дарю сахарное печенье, – обратилась Фамарь к Варьке. – Оно такое нежное, что сразу тает во рту.

– А... мне... с какой стати? – недоумевающая еще больше своей подруги, спросила Варька. – У меня день рождения еще не скоро.

– Я вручила вам этот маленький презент потому, что вы видели свою маму.

– Как? – изумилась Варька. – Как я могла ее видеть, если не была дома уже больше десяти лет?

– Прошлой ночью вы видели сон: вам приснилась ваша мать, Аграфена Никитична, которая горько плакала. Вы спросили: «О ком плачешь, матушка?» Она ответила: «О тебе, моя доченька». «Почему ты плачешь обо мне?» «Жалею тебя, моя слезинка». «Чего меня жалеть? Я взрослая, самостоятельная». «Все равно жалею... Увижу ли тебя хоть одним глазком? Ведь смертушка стоит за плечами». «Не знаю, матушка. Не знаю, как сложится моя дальнейшая судьба».

Аграфена Никитична зарыдала.

На этом сон прекратился, но рыдания матери еще долго звучали в ваших ушах.

Могу сказать, что Аграфену Никитичну вы увидите. Правда, уже на смертном одре. Ей останется жить всего несколько минут, когда вы войдете в отчий дом. Она взглянет на вас и отойдет в иной мир, а вы закроете ее почти ослепшие от слез глазоньки...

Фамарь вернулась на свое место.

Подруги оторопело посмотрели одна на другую.

– Интересно, кто сообщил ей мое имя-отчество? – недоуменно проговорила Дуська. – Может, ты? – обратилась она к подруге.

– Как я могла сообщить, если я с ней ни разу не разговаривала? – возразила Варька.

– И второе: как она узнала день моего рождения? В камере об этом не ведает ни одна душа. Что ты на это скажешь? – снова обратилась она к подруге.

– Тут какая-то загадка.

– В том-то и дело. А как нам эту загадку разгадать?

– Понятия не имею... А мое имя-отчество где она слышала?

– Не знаю.

– А мой сон? Где она его прочитала? Ведь не влезла же она в мою голову? Слово в слово пересказала... У меня волосы на голове встали дыбом, когда я слушала ее...

– Чудеса, да и только!

– И про мою мать откуда-то все знает: и где живет, и чем дышит, и о чем печалится... Говорит: я ее увижу перед смертью... Как бы не так... Если бы она знала, какой срок мне грозит, то не несла бы такую чушь..

– Откуда все это она берет? Откуда? – почти закричала Дуська. – Скажи мне.

– Я знаю столько же, сколько и ты, – тем же повышенным тоном ответила Варька.

Они снова уставились друг на дружку, пытаясь что-то понять и правильно оценить.

– Говорят, она не от мира сего, – уже спокойно сказала Дуська, развернув шоколадную конфету и положив ее в рот.

– А что это значит?

– По-моему, это очень просто: есть два мира – свобода и тюрьма. Сейчас она в тюрьме, поэтому и говорит: «Я не от мира сего».

– А когда выйдет на свободу?

– Тогда скажет: «Я от сего мира».

– Еще говорят, что она в какой-то схеме... – сказала Варька, наслаждаясь вкусом сахарного печенья.

– Это еще что за новость?

– Наверно, это... – Варька, подняв голову, задумалась. – Это, наверно, вот что: она любит меха – меховой жакет, меховое пальто...

– Губа не дура... Но на ней сейчас только меховые носки...

– Она могла бы одеться в меха с ног до головы, но ей будут страшно завидовать, поэтому она и бережется...

– Честно скажу: я бы тоже не прочь занять такую схиму...

– Чего проще. Есть меховые магазины; выйдем на свободу, облюбруем один из них, составим план и... надевай любую шубу – хоть лисью, хоть волчью, хоть медвежью...

– Попробуем...

Подружки замолчали, обдумывая свои гениальные прожекты.

– Так кто же она такая, в конце концов? – вдруг, как бы очнувшись, спросила Дуська у своей подруги.

– Ну что ты меня спрашиваешь? – возразила Варька, слизывая с ладони крошки печенья. – Об этом не знает даже начальник тюрьмы...

– Нет, она все же мировая старушенция, – заключила Дуська, устраиваясь поудобнее на нарах. – Меня никто ни разу в жизни не называл на вы. Никто. А она назвала. Представляешь?.. А как это здорово звучит: Евдоки-я Васи-ль-евна!

Дуська от удовольствия закрыла глаза, а на ее губах заиграла теплая улыбка.

III

«Молитва свободна, как птица»

Прошло три с лишним месяца со времени описанных событий. Однажды ранним утром в кабинет начальника тюрьмы Кликодуева не вошел, а прямо-таки ворвался главный надзиратель Лячин.

– Крамола! – крикнул он, едва переступив порог кабинета.

– Что за крамола? – Кликодуев насторожился. – Где именно?

– В девятнадцатой камере.

– Что там такое?

– Фамарь мутит воду.

– Что значит «мутит воду»? Выражайся яснее.

– Вхожу в камеру, а вся камера стоит на коленях.

– Что? – Кликодуев вскочил из-за стола, за которым сидел. – Что ты сказал?

– Я говорю: вся камера – как один человек – стоит на коленях.

– Черт знает что такое! – взорвался Кликодуев, взяв в руки служебный журнал и с размаху бросив его на стол. – Это же религиозный психоз!

– Да, именно психоз.

– Докладывай по порядку.

– Впереди всех Фамарь, заводила. Я к ней: «Прошу объяснить: что это значит?» Она: «Мы читаем канон Божией Матери». «Что за канон?» «Творение Феостирикта монаха. Читается во всякой скорби душевной и обстоянии». «Меня не интересуют всякие ваши обстояния и скорби, меня интересует, где ты взяла печатный текст?» «У меня нет никакого печатного текста, я знаю этот канон наизусть». «В нашем заведении запрещены всякие религиозные действия, а тем более чтение канона», – рявкнул я. «Молитва не может быть запрещена, она свободна, как птица», – ответила Фамарь. «За грубое нарушение тюремных порядков я должен отправить тебя в карцер. На исправление». «Да будет во всем воля Господня». – Фамарь наклонила голову. «Будешь сидеть там целую неделю на хлебе и воде». «Я готова пострадать за Христа». «Я подберу самый холодный карцер, чтобы сбить с тебя религиозную спесь и чтобы ты немного поумнела», – пригрозил я. «Приму это с большой радостью».

Я смотрю на нее, а она и в самом деле нисколько не печалится. «Иди за мной», – распорядился я.

«Она никуда не пойдет, – вмешалась Красотка (это та самая, на которой несколько мокрых дел) и загородила дорогу. – Руки короткие, чтобы посадить ее в карцер». «Не трожь нашу матушку! Худо будет!» – зашумела камера. Арестантки сгрудились вокруг Фамари, не давая ей сделать ни одного шага.

«Это бунт! – крикнул я. – Бунт в государственном учреждении!». «Не шуми, – отрезала Красотка, – нас не запугаешь, мы тертые калачи». «Тертые, да мало». «Ступай, ступай, мы должны кончить канон».

Чтобы не накалять атмосферу, я удалился.

– Это ЧП, – сказал Кликодуев, обдумывая рассказ Лячина. – Очень неприятное. Религиозная окраска все портит.

– Фамарь в карцер?

– Повременим. Шуму будет много, а нам это ни к чему... Красотка... неприятнейшая фигура... она ни перед чем не остановится, чтобы защитить Фамарь. Надо это как-то замять, чтобы наверх ничего не просочилось...

– Может, перевести Фамарь в другую камеру?

– А что толку? Она и другую камеру быстро совратит... Всю нашу тюрьму, чего доброго, превратит в монастырь...

– Эх, навязалась она на нашу голову.

– Надо побыстрее избавиться от нее. Это лучшее средство. Поговорю со следователем и судьей, чтобы они на днях закончили ее дело. А ты пока следи за каждым ее шагом.

– Есть! – Лячин щелкнул каблуками сапог и покинул кабинет начальника.

Видимо, Кликодуев постарался как следует: через неделю Фамари был вынесен приговор – ссылка в Сибирь на пять лет; место поселения – Иркутская область, поселок Усть-Вуд.

(Отца Мефодия чуть позднее отправили на восемь лет на Колыму).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

На берегу Ангары

Поселок стоял на берегу Ангары. Избы прилепились у самой воды – как будто стая птиц выбрала место для отдыха перед полетом в теплые края. Плёс, освещенный полуденным солнцем, играл серебряными бликами. Весельная лодка, принадлежавшая скорняку Никите, отчалила от берега и направилась к недалекому островку, где был хороший клев. Связка плотов, миновав плавный речной поворот, вышла на широкий стрежень. Катер сплавной конторы, урча, пробирался вдоль берега.

Матушка Фамарь сидела на скамейке и, творя Иисусову молитву, наблюдала, как к причалу подходят люди. Через полчаса должен появиться пассажирский пароход, направляющийся в областной центр, и на берегу соберется чуть ли все население поселка – встречать и провожать друзей, знакомых, родственников.

– Тетя Фамария! – раздалось у нее за спиной. – Я так и знал, что вы здесь!

Это был Ванюша, четырнадцатилетний мальчик, сын хозяев, у которых она снимала угол за печкой.

– Да, я здесь, ты не ошибся, – откликнулась Фамарь.

– Я не видел вас всего два часа, а уже соскучился, – признался Ванюша, садясь на скамейку. – Рядом с вами мне всегда хорошо.

– Я очень рада тебя видеть, – сказала матушка. – Ты замечательный мальчик.

– Тетя Фамария, я сбегал в лес, наелся малины и вам принес гостинчик.

Ваня протянул матушке кружку с малиной; ягоды были большие, сочные, ярко-алые.

– Спасибо, мой дорогой, – сказала матушка, принимая кружку, – ты почти каждый день балуешь меня – то одной ягодой, то другой, то третьей.

– Я люблю угощать, – сказал Ваня, улыбаясь, – и людей, и птичек, и зверушек. Они радуются, и я радуюсь вместе с ними.

– И я радуюсь, когда ты это делаешь. Ты поступаешь по-христиански... Скажи мне, пожалуйста, кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спросила Фамарь, принимаясь за малину.

Ваня на секунду задумался.

– Я хочу стать офицером, – сказал он, и глаза его заблестели. – Да, офицером, – повторил он. – Чтобы защищать Родину от врагов.

– Здорово! – воскликнула Фамарь. – Офицеры нам очень нужны! Ты, наверно, будешь артиллеристом, как Лев Толстой?

– Нет, мне хочется стать летчиком. Летчиком-истребителем. Я буду неожиданно нападать на врагов, им от меня не поздоровится...

– Пусть будет по-твоему... Ванюша, я знаю, что у тебя есть ружье, с которым ты ходишь на охоту. А ты метко стреляешь?

– Еще ни у одного соболя шкурку не испортил. Зима настанет, добуду несколько соболей и подарю вам на воротник. Я же вижу, вы плохо переносите холод, а соболиный воротник будет вас согревать.

– Заранее спасибо, Ванюша, за такую милость ко мне. Я, право, ее не заслужила... Ты не боишься один ходить на охоту?

– Раньше боялся, а теперь не боюсь. Вы меня научили не бояться. Я иду и кричу на весь лес: «Господи, помилуй!» Волки и медведи прячутся от меня.

– С Господом везде и всегда безопасно.

– Я это на себе узнал. Я полюбил Бога. С Ним весело! Как только скажу: «Господи, помилуй!», сразу душа играет.

– Я так рада за тебя, Ванюшечка.

– Тетя Фамария, у меня хорошая новость, – выпалил мальчик.

– Какая?

– Скоро я заработаю денег и куплю баян. Это моя давнишняя мечта.

– Ну что ж, похвально... хорошие мечты должны сбываться.

– Я недавно был в райцентре и присмотрел баян; он такой... ну просто загляденье... меха длинные, кнопки блестящие, звук лучше некуда... – Мальчик говорил громко, восторженно, как будто уже держал баян в своих

руках. – Я буду играть вам каждый день, разучу вальсы, фокстроты, разные песни. Если вам понравится какая-нибудь песня, вы мне скажите, и я сыграю ее еще раз; вы только не стесняйтесь, говорите мне, а уж я буду стараться, чтобы вы были довольны...

– Хорошо, Ванюшечка, я буду слушать твою игру, обязательно буду, – говорила матушка, а в уме представляла себе, какое великое искушение предстоит ей как монахине, какого ей нужно набраться терпения и долготерпения, какой выдержкой заpastись, чтобы выдержать все это.

Пароход, высадив одних пассажиров на берег и приняв на борт других, дал протяжный гудок и отвалил от причала.

«Ох, как было бы хорошо, если бы я оказалась сейчас на этом пароходе, – подумала матушка, наблюдая за тем, как он постепенно выходит на фарватер. – Я бы прибыла в Иркутск, а оттуда – в родные края. Увидела бы, наконец, своих любимых сестер и обняла их. Мы бы снова организовали скит и зажили лучше прежнего... – Она переложила четки в другую руку. – Но... пока я остаюсь здесь. Такова воля Божия, и я должна ее выполнить».

Прошло уже больше года, как Фамарь оказалась в этом таежном поселке, узнала многих его жителей, их нужды, печали, будничные заботы. Время тянулось страшно медленно, иногда ей казалось, что зима никогда не кончится, и это весьма печалило ее. Сердце ее страдало, оно было не здесь, в далекой Сибири, а там, где находились ее сестры, которые разбрелись в разные стороны, как овцы, не имеющие пастыря. Она знала, как им нелегко, и сильно переживала за них – ведь все они находились в ее сердце.

Причал опустел; несколько собак, играя, носились по прибрежному песку; солнце скрылось за грядой быстрых грушевидных облаков.

– Пора восвояси. – Фамарь поднялась со скамейки.

Ваня последовал за ней.

II

Трудные роды

Не сделали они и нескольких шагов, как увидели почтальоншу Любу, которая бежала им навстречу.

– Тетя Фамария! Тетя Фам... – кричала она на бегу. – Тетя Фамария! – запыхавшись и с трудом переводя дух, выпалила она.

– Что случилось? – с беспокойством, которое передалось и ей, спросила матушка.

– Беда!

– Да что такое? Говори.

– Дочка рожает и никак не может родить. Замучилась совсем.

– Кто-нибудь помогает ей?

– Бабка Неонилла. Говорит: исключительный и непонятный случай...

Тетя Фамария, помолись! На тебя одна надежда!

– Лучше надеяться на Бога, а не на человека. Идем.

Быстрым шагом они направились к Любиному дому.

– Не первого рождает, третьего... казалось бы... все должно быть хорошо, и вдруг... – рассказывала Люба, ускоряя шаг и переходя почти на бег. – Такая оказия...

– Не волнуйся, – успокаивала ее Фамарь, еле-еле поспевая за ней, – Господь милостив...

Подойдя к калитке нужного дома, они услышали дикий душераздирающий крик.

– Полина! Умирает! – завопила Люба и опрометью кинулась ко входу.

– Господи, пощади и помилуй страждущую Полину, – произнесла Фамарь, осеняя дом крестным знамением.

Она поднялась по ступенькам невысокого крыльца, миновала сени, отворила дверь в избу и... ее встретил тонко-переливчатый плач младенца. Бабка Неонилла держала его в руках и ласково приговаривала:

– Ну поплачь, родимый, поплачь... экой у тебя голосок... вырастешь – певцом будешь...

Люба, блаженно улыбаясь, всхлипывала и вытирала щеки, по которым ручьем текли слезы.

– Тетя Фамария... Я не знаю даже... не знаю, как... – от избытка чувств она не могла найти нужные слова.

– Все хорошо, родненькая, все хорошо. – Матушка, утешая, погладила ее по голове...

III Пожар

Прошло еще полтора года; наступила очередная суровая зима с частыми метелям и длительными трескучими морозами. Южанка по рождению, Фамарь переносила зимнюю пору с большим трудом, часто простывала, болела. Но, несмотря на это, дух ее по-прежнему был бодр.

Ваня сдержал свое слово, подарил матушке несколько собольих шкурок, из которых она сшила нечто вроде жакета; обновка помогала ей переносить зимнюю стужу. И все же Фамарь с каждым месяцем слабела, силы постепенно оставляли ее, у нее развился туберкулез легких, который причинял ей невыносимые страдания.

Как-то поздним вечером, когда неожиданно налетела снежная вьюга, завывала в печной трубе, залепила все окна в доме, когда хозяин Потап Кузьмич, еще раз как следует истопив печь, уже готовился ко сну, матушка, стоя на коленях в своем уголку, читала покаянный канон. Вдруг в дверь кто-то сильно забарабанил.

– Кого принес леший? – недовольно заворчал Потап Кузьмич, слезая с печи.

– Это я, Лукерья, – раздалось из-за двери.

– Хороший хозяин собаку не выпустит в эдакую пору, а ты... – Потап Кузьмич откинул дверной крючок.

Вместе с густым морозным облаком в избу вошла соседка Лукерья.

– Пожар! – закричала она, забыв закрыть за собой дверь.

– Какой пожар? Где? – От недовольства хозяина не осталось и следа.

– Деревня горит! Дома, как факелы! Ветер... Все из-за него...

– Да где горит-то? Говори толком, – набросился на нее хозяин.

– Дом Крячкиных уже занялся...

– Дом Крячкиных? Это же совсем...

Потап Кузьмич в три секунды оделся, схватил в сенях лопату и стремглав бросился к месту происшествия.

– Тетя Фамария! – крикнула Лукерья, уверенная в том, что матушка ее слышит. – Тетя Фамария!

– Я тут. – Матушка вышла из-за печки.

– Тетя Фамария, спасай! Погибаем! Ветер такой, что... Через полчаса от нашей деревни ничего не останется!..

– Бог милостив, не даст нам погибнуть.

Матушка взяла в руки икону Божией Матери «Неопалимая Купина».

– Царица Небесная, помилуй нас, грешных. – Она поцеловала икону и прижала ее к груди.

Лукерья помогла Фамари одеться, и они поспешно вышли на улицу. Жгучий порывистый ветер залеплял лицо снегом, затруднял дыхание. Горело сразу несколько домов; жаркое пламя взвивалось вверх и, разрываясь на клочья, исчезало в ночной тьме. Зарево от пожара было такое сильное, что было светло, как днем. Слышались отчаянные крики людей, пытающихся потушить дома, но было ясно, что их усилия бесполезны, – ветер раздувал очаги пожара еще сильнее.

– Пресвятая Дево, пощади нас!

Матушка взяла икону обеими руками и крестным знаменем осенила горящие дома.

Неожиданно ветер ослабел, а через минуту совершенно прекратился. Пламя, пожирившее дома, сникло. Крики людей прекратились. Наступила тишина, нарушаемая редким лаем собак. Из огненных остовов наполовину сгоревших домов роем вылетали искры; от них исходил сильный жар...

IV

«Вам нужно спасти сына!»

Всю ночь Фамарь провела в молитве. Ночное время она любила больше всего: затихал дом, прекращались всякие разговоры и перебранка между хозяевами, Ваня, сыграв все вальсы, фокстроты, польки и песни, которые он выучил, прятал свой баян в шкаф, обитатели дома засыпали, и только сверчок за печкой выводил свои бесконечные напевы, но они нисколько не мешали матушке изливать свою душу в молитве. Она благодарила Царицу

Небесную за чудесное избавление от страшной беды, а также просила Ее... о многом можно было просить, но Фамарь просила лишь об одном – о завтрашнем дне. А завтрашний день обещал быть весьма трудным. Матушке нужно было явиться в местное отделение милиции, которое находилось в соседнем поселке, в трех километрах, чтобы отметиться как ссыльной. Эта унижительная обязанность особенно тяготила ее.

Мороз за прошедшую ночь несколько не ослабел, наоборот, набрал еще большую силу, да и ветер вновь поднялся нешуточный. Фамарь понимала, что ей, ослабевшей и болезненной, одолеть трехкилометровый путь будет очень непросто. Эту мысль она и высказала вслух, собираясь утром в дорогу.

– Тетя Фамария, – сказал Ваня, который только что с большим аппетитом упледел порядочную миску наваристых пельменей и который чувствовал себя превосходно, – тетя Фамария, давайте я схожу вместо вас, а вы побудьте дома. Мне это легко... я мигом...

Матушка грустно усмехнулась.

– Ванюша, спасибо тебе на добром слове, – сказала она, надевая теплую шубу, – я бы с удовольствием, но... нельзя... если я нарушу правило, установленное милиционером, то меня ждут большие неприятности – могут увеличить срок моей ссылки.

– Как жалко, – приуныл Ваня. – Тогда я провожу вас. Я буду громко кричать: «Господи, помилуй!», и ни один волк к нам не приблизится.

– Хорошо, Ванюша, у тебя очень добрая душа, – согласилась Фамарь.

Дорогу за минувшие сутки сильно замело, виднелся только один санный след – у жителей Усть-Вуды в связи с пожаром были другие хлопоты и заботы. Шагать было трудно, ноги проваливались в снег, каждый метр пройденного пути давался матушке с трудом. Мороз хватал то за нос, то за щеки, ветер хлестал в лицо. Ваня, как мог, помогал Фамари, поддерживая ее то за один локоть, то за другой.

Как ни труден был путь, но, с Божией помощью, матушка все же одолела его, правда, полностью выдохшись; наконец показался дом, в котором располагалось отделение милиции. Фамарь поежилась: сейчас начнется самое неприятное. Финогенов, местный уполномоченный, мужчина лет сорока двух-сорока трех с толстой шеей и выпученными глазами, не упускал ни одной возможности поиздеваться над ссыльной. Вот и сегодня, едва матушка показалась на пороге его кабинета, он хмуро пробурчал:

– Опять опоздала? Сколько раз было говорено: приходите вовремя. Ты человек подотчетный, ссыльный, безо всяких прав...

– Извините, Никандр Гаврилович, за опоздание, – сказала матушка, снимая с головы шаль и в изнеможении садясь на табуретку.

– Я не разрешал тебе садиться, – прикрикнул Финогенов, грозно нахмурив брови. – В кабинете начальника положено стоять. Навытяжку.

– Простите, Никандр Гаврилович, сил никаких нет.

Фамарь поднялась, это стоило ей больших усилий.

– Тебе никакие силы и не нужны, – отрывисто бросил Финогенов. – Если у тебя появятся силы, ты можешь и убежать. А мне по шее за это...

– Я никуда не убегу, – смиренно сказала матушка, – мне и в голову это не приходило...

– Ты арестант, находишься под моим каблуком. – Финогенову понравилось это выражение, и он повторил: – Да, ты под моим каблуком, а уж если... – Он не договорил, потому что матушка подняла руку, останавливая его. – Ты чего? – рыкнул он.

– Никандр Гаврилович, вам нужно срочно идти домой, – сказала Фамарь, взглядываясь в заледеневшее от мороза окно.

– Мне? Домой? – переспросил Финогенов. – Ты что, рехнулась? Здесь я командую, а не ты.

– Вам нужно обязательно быть дома. И чем скорее, тем лучше.

– Это еще зачем?

– Бегите, вам нужно спасти сына! – сказала матушка, смотря собеседнику прямо в глаза.

Видимо, в голосе Фамари была такая власть, а в глазах стояла такая правота, что Финогенов, не медля ни секунды, встал и быстрым шагом покинул заведение.

В свой дом, стоящий в самом центре поселка, он прибыл вовремя. Открыв дверь, он похолодел от ужаса. Его пятнадцатилетний сын Андрей стоял посреди комнаты на табуретке; накинув на голову петлю, он прыгнул с нее, пытаясь покончить счеты с жизнью. Финогенов схватил нож со стола и полоснул по веревке, на которой повис Андрей. Тот мешком рухнул на пол.

Финогенов освободил его от петли, посадил на стул и устроил ему допрос. Выяснилось, что Андрей проиграл в карты профессиональному шулеру, который неизвестно каким образом оказался в поселке, крупную сумму денег. Шулер потребовал деньги немедленно; расплачиваться было нечем; в отчаянии Андрей пошел на крайнюю меру.

V

Райский Сад

Обратный путь был для матушки еще более трудным и мучительным. Она часто останавливалась, чтобы перевести дух, дышала с надсадной хрипотой, много раз падала в снег и, если бы не Ваня, то не смогла бы подняться. К жилью она дотащилась в полном изнеможении. И слегла. У нее поднялась температура, досаждал мучительный кашель, на лбу появилась испарина. Фамарь настолько ослабела, что понимала: ей уже не встать. Это понимала не только она, но и ее хозяйева. Потап Кузьмич пригласил поселковую фельдшерицу, пожилую женщину с широким озабоченным лицом. Та посидела около больной с полчаса, покачала головой и, так ничего и не сказав, ушла.

Воскресным днем пришла согбенная старушка Степанида, жившая на другом краю поселка. Она принесла баночку земляничного варенья и замороженный кругляк молока.

– Улетает голубица, – молвила она, узнав о состоянии матушки. – Улетает. Кто теперь помолится о нас? При ней Ангара не затопливала нас, жили, как у Бога за пазухой, а без нее... опять будет затопление...

Так прошли две недели. Фамарь осунулась, лицо ее заострилось, дыхание стало прерывистым. Последние несколько дней она ничего не вкушала.

Наступил Рождественский сочельник. Ночью матушка открыла глаза, три раза прочитала про себя Иисусову молитву, а потом забылась. В тонком сне ей явился преподобный Серафим Саровский.

– Мужайся, агница Христова, – ласково сказал он. – Ныне будешь со мною в Райских Садах. Господь приготовил тебе сияющий скит, утопающий в цветах. Он будет гораздо лучше первых двух, которые ты основала. Здесь, на Небе, ты уже не будешь страдать, а будешь пребывать в неизменной радости и ликования, созерцая лицо Господа нашего Иисуса Христа, Который возлюбил тебя как Свою дивную Невесту, как земного ангела, как утреннюю благоухающую розу...

Когда утром Потап Кузьмич, его жена и Ваня пришли в тесный уголок, за печку, то обнаружили, что душа их временной квартирантки уже отлетела в иной, лучший мир; в своих похудевших, почти прозрачных, но по-прежнему красивых руках она держала чудесную алую розу, которая издавала восхитительный неземной аромат...

КОНЕЦ, И БОГУ СЛАВА!

СОДЕРЖАНИЕ**Глава первая**

I

Бодби

II

Разговор

III

Плен

Глава вторая

I

Вахтанг

II

Под виноградным навесом

III

Развязка

IV

Карета

Глава третья

I

Послушница

II

Благодетель

III

Три креста

Глава четвертая

I

Неожиданные перемены

II

Явление преподобного Серафима

III

Уляша

Глава пятая

I

Батюшкина шляпа

II

Фотография

Глава шестая

	I
Засада	
	II
Саров	
	III
Скит	
	IV
Дар	
	V
«Мое сердце чует большую беду»	

Глава седьмая

	I
Незванные визитеры	
	II
«Сестры, терпите!»	
	III
Санний поезд	
	IV
Лось	

Глава восьмая

	1
Перхушково	
	11
Щука	
	111
Она пришла в священный трепет!	
	1V
Расправа	

Глава девятая

	I
«Милость Божия посетила тебя»	
	11
«Примите мои сердечные поздравления»	
	III
«Молитва свободна, как птица!»	

Глава десятая

	I
На берегу Ангары	
	II
Трудные роды	

Ш

Пожар

IV

«Вам нужно спасти сына!»

V

Райский Сад